Шабельцев Сергей Васильевич

Иммигранты-чакареро из II Речи Посполитой в Аргентине и Парагвае. Воспоминания белорусов и украинцев.

Белорусские и украинские чакареро в Аргентине и Парагвае

В Южной Америке одним из разновидностей небольшого по размерам земельного владения, напоминающего хуторское хозяйство, является «чакра». Это участок в 30-60 га, на котором, как правило, размещается и усадьба его владельца – крестьянина-чакареро. Такой вид хозяйствования распространен, в первую очередь, в Аргентине и Парагвае. Правительства этих стран в п. пол. XX в. активно привлекали иммигрантов из Европы для развития аграрного производства, следствием чего стало появление значительного числа европейцев-чакареро в Южной Америке. Аграрная политика, сопряженная с привлечением иностранцев, в Аргентине проводилась для освоения новых территорий, а также для изменения социальной структуры общества, в котором присутствовали крупные латифундисты и скотоводы-гаучо, но было мизерное количество крестьян-землевладельцев. В Парагвае привлечение европейцев в сельское хозяйство было активным после кровопролитной войны с Боливией (1932–1935 гг.): иммигранты компенсировали недостаток мужских рабочих рук и также как в Аргентине составляли новый социальный слой фермеров, владевших культурой обработки земли и служивших опорой властной элите.

Среди чакареро с конца XIX в. можно было встретить украинцев и белорусов. Известно, что 27 августа 1897 г. первые 12 украинских семей в числе других уроженцев Галиции (входила в состав Австро-Венгрии) поселились около аргентинского местечка Апостолес у границы с Парагваем. В то время эта территория Мисьонеса (в будущем провинция) представляла собой сплошь неосвоенную сельву (джунгли), о которой ее губернатор Х. Лянусе писал: «В Апостолес в 1897 году был только один земледелец, черный инвалид Мартиниано Риос, парагваец, который занимал одну или две делянки земли. Он был трудолюбивым человеком, посадил несколько апельсиновых деревьев и посеял полгектара кукурузы. Тем временем все знают, что леса вокруг Апостолес были укрытием гаучо-бандитов, которые действовали в Сан-Карлосе и в других приграничных окраинах провинции Корьентес, а также на нашей территории. Чтобы пойти туда вечером, нужно было собраться хорошо вооруженными группами, которые бы превосходили силой или отпугивали бы бандитов, засевших в чаще… Апостолес был тогда известен и как убежище бандитов и конокрадов, которые постоянно находились в его гористых и лесистых околицах и отсюда нападали на Бразилию или на Корьентес».[1]

Благодаря особой опеке губернатора Х. Лянуссе первые европейские колонисты смогли обустроиться на новом месте и собрать урожай. Увидев высокую плодородность тамошней красной как кирпич земли, переселенцы стали писать об этом своим родным и знакомым, которые также устремились

---

[1] Василик М.. Українські поселення в Аргентіні. – Мюнхен, 1982. – С. 31.

в Мисьонес. В результате освоения земель ландшафт стал меняться, и в 1903 г. в докладе министру внутренних дел говорилось: «если посмотреть на раскинувшиеся поля, покрытые травой, то во многих местах видны разноцветные четырехугольники, которые указывают на посев кукурузы, фасоли, маниоки, табака, риса, арбузов, дынь, – и сердце патриота бьется радостно, господин министр, когда вспомнить, что еще несколько лет тому назад эти места были только укрытием конокрадов и убийц, а теперь на них виден результат прогресса».[2]

По мнению украинского эмигрантского историка М. Василика, до 1914 г. в Мисьонесе поселилось около 10 тыс. украинцев.[3] В отношении белорусов, которые до 1914 г. являлись гражданами России, трудно сказать, кто и когда стал первым иммигрантом в Аргентине или Парагвае. Вероятно, их количество в Аргентине до 1914 г. не превышало 5 тыс. чел.[4] О том, что наши соотечественники сюда приезжали до Первой мировой войны в надежде осесть на землю, свидетельствовали российские представители в Аргентине, а также российские чиновники и служащие, изучавшие эмиграцию. Еще в конце 80-х гг. позапрошлого столетия гродненский губернатор Н. Батюшков отмечал «усиленное переселение крестьянского населения губернии в Америку (Аргентину). Движение это в 1888 и 1889 годах приняло громадные размеры… возбужденное движением и заманчивыми сказками о громадных заработках в Америке население платило агентам за услуги по первому запросу».[5] А, например, Б. Курчевский в издании комитета кассы взаимопомощи эмигрантов в Либаве (ныне Лиепая) сообщал о группе крестьян из Могилевской губернии (около ста семей), которые переселились в Уссурийский край Российской империи. Но затем «они услыхали, что в Аргентине еще лучше земля, и больше ея дают. Никому не хотели дать себя разуверить: все распродали и через Сибирь и всю Европу двинулись в Южную Америку. Впоследствии довелось лишь несколько из них встретить на обратном пути в Уссурию: остальные погибли в Аргентине или приговорены к гибели, вследствие невероятных местных условий. Очевидно, крестьяне с подобною жадностью к «землице» и с страстью к кругосветным путешествиям тоже не попадаются часто».[6]

После паузы, вызванной Первой мировой войной, иммиграция украинцев и белорусов в Южную Америку возобновилась с новой силой. К сожалению, определить точное количество представителей этих народов не представляется возможным, поскольку иммиграционные реестры Аргентины и Парагвая никогда не фиксировали национальности иммигранта, а только

---

[2] Василик М. Указ. соч. – С. 32.
[3] Василик М. Указ. соч. – С. 18.
[4] Беларуская дыяспара ў Аргенціне // Шабельцаў С. Беларусы ў Аргенціне: грамадская дзейнасць і рээміграцыя ў СССР (1930 – 1960-я гг.) Зборнік дакументаў і ўспамінаў – Мінск, 2009. – С. 9.
[5] Солоневич Л. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет её существования, 1802-1902. – Гродно, 1901. – С. 97.
[6] Курчевский Б. О русской эмиграции в Америку. - Либава, 1914 г. – С. 7.

страну происхождения. То есть, все граждане Польши, коими являлись украинские и белорусские переселенцы-крестьяне, записывались как «полякос». Считается, что в Аргентине в межвоенный период осело 50 тыс. украинцев и 20 тыс. белорусов.[7] При этом бывший житель Мисьонеса А. Котовский утверждал, что только на этой территории Аргентины до Второй мировой войны проживало 25 тыс. украинцев.[8] В отличие от предыдущего периода украинцев и белорусов массово направляли для освоения земель Аргентины не только в Мисьонес, но и на территорию Чако, Формосы, Мендосы и некоторых других провинций.

В отличие от предшественников, иммигранты в период 1921–1939 гг. могли легче устроиться в городах, где ускоренными темпами развивалась аргентинская промышленность. Однако международный кризис 1929–1933 гг. вынудил многих выбирать между нищей жизнью впроголодь в городах, или сельскохозяйственной работой, которая гарантировала пропитание. Примером выбора второго варианта является судьба белорусов Беляковичей, о которых рассказал украинец А. Котовский: «Антон Белякович был выходцем из Западной Беларуси. С тремя братьями он прибыл в Аргентину несколько лет тому назад, до начала всемирного экономического кризиса, когда предпринимателям еще нужны были рабочие руки. Хлопцы – трудолюбивые, дружные и бережливые – накопили какие-то песо, а когда началась безработица, поселились в сельве, за сто двадцать километров от Посадас[9], и стали хозяйствовать. Спустя некоторое время их посетил отец, который много лет жил в США. Он передал сыновьям свои сбережения, и те взяли на выплату грузовую машину».[10]

В связи с кризисом и его тяжелыми экономическими последствиями Аргентина в 1930-х гг. стала ограничивать иммиграцию. В 1930-е гг. белорусы и украинцы могли выехать в Парагвай, правительство которого поощряло иммиграцию «на землю». Среди поселений, в которых белорусы и украинцы были массово представлены, выделяется колония Фрам. В этой колонии были проведены улицы на расстоянии два километра друг от друга, а земли между ними продавались по одному парагвайскому песо за гектар земли. Семья Ивана Стомы в родной деревне на Новогрудчине имела десять гектаров земли, а в колонии Фрам купила восемь гектаров. «Но урожайность там была постоянно хорошая. Земля красная была, кирпичная, жирная. Если пройдет дождь – возом не поедешь. И навоз вносить не надо, зимы нет. Выращивали в основном кукурузу, маниоку».[11]

Большинство переселенцев, оказавшись в Парагвае, разочаровывались в своем решении поехать в эту страну: «Столица Парагвая Асунсьон – это

[7] Грыбоўскі Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фармаваннях 1918 – 1945. – СПб., 2006. – С. 406.
[8] Котовський А.Х. На берегах Ла-Плати. – Львів, 1988. – С. 12.
[9] Город Посадас – столица Мисьонеса.
[10] Котовський А.Х. Указ. соч. – С. 11.
[11] Зинаида Ивановна Теребей и Тамара Александровна Моток // Шабельцаў С. Указ. соч. – С. 322.

небольшой городок, я еще помню, когда приехали, что по его улицам табуны лошадей ходили. Какой-то трамвай один ходил. Существовала только одна железная дорога, которая соединяла Асунсьон и Энкарнасьон, который находился на границе с Аргентиной. Сельскохозяйственная страна, джунгли, городки маленькие, захолустные, самые примитивные».[12] Стада животных в Асунсьоне запомнились многим белорусам: «Трамвай был, он едет, а на дороге корова лежит. Он звонит-звонит, а корова лежит. Особенно вечером, когда прохлада…»[13]

Иммигранты стремились переселиться в экономически более развитую Аргентину, и это еще одна причина, по которой невозможно определить точное количество украинцев и белорусов в Парагвае. Такое переселение осуществлялось нелегально, и были случаи, когда иммигрантов грабили и убивали контрабандисты: «Многие бежали в Аргентину, и многие поплатились жизнью. Потому что когда стали бежать, надо было, чтобы кто-то перевез через реку Парана, а река широкая. И были те, кто нелегально перевозил на другую сторону, а им надо было заплатить. Но потом начали грабить, топили наших (веслом по голове – и все), забирали имущество».[14]

Аналогичным способом могли перебраться в Аргентину и жители Бразилии, и среди них также встречались наши соотечественники. Например, семья Жданеней в 1937 г. не выдержала и месяца, поскольку, по словам их младшего сына Дмитрия, «условия на юге Бразилии жуткие (это на границе с Аргентиной, около реки Парана). Мое первое воспоминание такое. Все ушли на работу (отец и братья Иван, Василий, Костя), а я игрался в песочке. И какой-то индеец ради хохмы поводил перед моим лицом и шеей серпом – я, конечно, испугался. Отец потом подождал этого индейца и отлупил как следует. Потом отец кому-то заплатил, и мы ночью на лодке переплыли Парану – и уже в Аргентине».[15]

Представленный сборник воспоминаний состоит из рассказов белорусов и украинцев (или их потомков), которые переселились в Южную Америку в межвоенный период. Более ранние переселенцы уже ушли из жизни, а иммигранты послевоенного периода были немногочисленны (5–6 тыс. украинцев и до 1 тыс. белорусов) и не стремились работать в аграрном секторе, а оседали в городах. После Второй мировой войны в города устремились и жители сельской местности, что обозначило сокращение числа белорусов и украинцев, работавших на чакрах. Однако представители этих народов, которые осваивают южноамериканскую землю, встречаются в Аргентине и Парагвае и в начале XXI в.

О перипетиях жизни белорусских и украинских иммигрантов-чакареро в Южной Америке можно узнать из ранее изданных книг мемуарного

[12] Михаил Алексеевич Мовчан // Шабельцаў С. Указ. соч. – С. 167-168.
[13] Зинаида Ивановна Теребей и Тамара Александровна Моток // Шабельцаў С. Указ. соч. – С. 318.
[14] Михаил Алексеевич Мовчан // Шабельцаў С. Указ. соч. – С. 168.
[15] Дмитрий Кузьмич Жданеня // Шабельцаў С. Указ. соч. – С. 263.

характера. Внимания заслуживают воспоминания украинцев Панаса Губарчука[16] и Анатолия Котовского[17], а также белоруса Андрея Прокопчука.[18] Еще одним источником является сборник «Беларусы ў Аргенціне: грамадская дзейнасць і рээміграцыя ў СССР (1930-1960-я гг.)», составленный автором этих строк в 2009 г., который включает воспоминания белорусов и украинцев, часть которых приехали в Южную Америку осваивать землю. Ранее изданные материалы позволяют понять те трудности, с которыми столкнулись переселенцы в Аргентине и Парагвае. Их отправляли в Парагвай и часто на север Аргентины (Чако, Формоса, Мисьонес), где лежит область сельвы, а средняя температура января + 28º С, июля +18º С. Теплый климат, достаточное количество влаги и плодородные почвы благоприятствуют развитию земледелия. В Парагвае и Мисьонесе широко распространена культура джербы, листья которой являются исходным сырьем для мате (парагвайского чая), Чако специализируется на хлопководстве, а западные провинция Аргентины Мендоса, куда редко переселялись белорусы, но встречаются украинцы, славится своим виноделием.

По приезду европейцы оказывались один на один с необжитой сельвой, где нужно было очистить землю от леса, перейти на возделывание культур, подходящих к местному климату, к которому также нужно было привыкнуть. Столкновение со столь непривычным миром для переселенцев было сродни шоку: в их воспоминаниях часто можно услышать, как жены плакали, обращались к мужьям с вопросом: «Куда ты нас завез?» Только по приезду полностью осознавалось, что с привычной жизнью навсегда покончено, а впереди ждут испытания, о которых ранее и не догадывались. Первое время было очень трудным, и существование совсем не походило на ту картину, что рисовали агенты по эмиграции на родине: «В Парагвае им выделили огромное количество земель, сказав: «Берите мачете, сколько вырубите, вся земля будет ваша». Они нашли тех людей, которые были изображены на агитационных фотографиях. И оказалось, что эти люди жили в бедности, а за фотографирование им пообещали много денег. И родителям сразу стало ясно, куда они попали и какую фортуну они нашли. Там и страшно было: дикие животные, обезьяны. Многие там не выдерживали и сходили с ума. От этого недалеко был и мой отец, но его поддерживала мама, которая была сильнее духом».[19]

Насколько далеки были украинцы и белорусы этим местам, говорит предание, будто дикие звери подходили, обнюхивали переселенцев и не боялись их: «тигры[*], которых много было в джунглях, не трогали наших

---

[16] Губарчук П. За океаном (Повість). – Київ, 1960. – 146 с.
[17] Котовський А. Х. На берегах Ла-Плати. – Львів, 1988. – 167 с.
[18] Прокопчук А. Я. По прекрасным местам: Автобиографическая повесть. – Брест, 1999. – 147 с.
[19] Анна Петровна Балахонова // Шабельцаў С. Указ. соч. – С 285-286.
[*] Тигром в Латинской Америке называют ягуара.

людей, нюхали – и это им ничего не указывало на то, что это люди. А вот когда начали стрелять – тогда уже стали нападать».[20] Жизнь поселенцев усложняли также рептилии, которые в лесу выползали на тропинки и дороги, а на поле могли ужалить во время работы. К тому же на оказание медицинской помощи, покупку лекарств заболевшим в сельве иммигрантам рассчитывать не приходилось. Поэтому больные лихорадкой, получившие травмы самостоятельно лечились, как могли.

Очистка земли от леса проводилась часто подсечно-огненным способом: деревья срубали, а потом сжигали. Большие деревья валить было трудно, и их сжигали, не срубая. Освободившаяся посевная площадь представляла собой поле с оставшимися на ней обгоревшими стволами и пнями. Например, семья И. Стомы действовала так: «Привезли их в Парагвай практически в джунгли… Потом им выделили наделы: это к краю леса подвели, шириной 20 м, а в глубину столько, сколько сможешь обработать. Процесс обработки земли происходил следующим образом. Валили деревья на корню, так как жарко, то это все моментально высыхало, и потом поджигали. Сгорало все это, а через неделю снова что-то подымалось – тогда снова рубили и жгли. И вот среди пней сажали кукурузу: отверстие проделывали палочкой, бросали зернышко. Впоследствии пни выкорчевывали. На освободившемся месте строили деревянно-металлический сарай, который назывался домом. Там зимы как таковой не бывает, поэтому больших требований к теплозащите не было. Строилось все из дощечек, картона».[21] Часто работа по очистке поля превращалась в сущее мучение: «Пуща кишела разной мошкарой. От ее укусов лицо и руки опухали, покрывались язвенными крапинками. Уши и нос приходилось закрывать клочьями, потому что если залезет туда ядовитая мошка и отложит яйцо, будет беда – маленькие червячки начнут разъедать живое тело».[22]

А. Прокопчук, ставший евангелистским проповедником и миссионерствовавший в Парагвае и на севере Аргентины, указывал на надоедливость насекомых тех мест: «Утром на рассвете и при закате солнца появлялась «польворина». Это очень маленькая мошка, ее невозможно разглядеть, но ее так много, что когда она около ног, то кажется, что это дым. Она поражает кожу, получается воспаление, чешется – и человек начинает чувствовать себя очень плохо. Так как она очень боится дыма, то хозяева и спасаются от нее только дымом. Чако – это провинция разнообразных насекомых: мух, комаров, жучков, пауков. Ни в какой другой провинции Аргентины этого нет. Во время вечерних собраний зажигают лампу «ночное солнце», она очень много давала света и около этой лампы собирались миллионы летучих насекомых, они заполняли весь зал. Зачастую мне приходилось во время проповеди проглотить комара или же другое

[20] Зенона Константиновна Забчук // Шабельцаў С. Указ. соч. – С. 346.
[21] Иван Николаевич Теребей // Шабельцаў С. Указ. соч. – С. 305-306.
[22] Котовський А. Х. Указ. соч. – С. 14.

насекомое. И это там считается обыкновенным, ничего опасного, все нормально».[23]

Стоит сказать, что отношение к окружающему миру у поселенцев было разное, и люди неодинаково реагировали на буйную растительность и богатую фауну. Но все-таки поначалу жить в шалаше на своей делянке в окружении хищных зверей, змей и птиц было страшновато (особенно ночью). Сооруженное из веток и стволов деревьев «ранчо» было тесным и неуютным: спали на нарах, гостей принимали на улице, а внутрь приглашали только во время дождя. А дождь в субтропиках выглядел как сплошной поток воды с неба, при котором видимость составляла несколько метров, и казалось, что в ливень становится нечем дышать. Проложенные дороги мгновенно превращались в русла рек, и сообщение с внешним миром прерывалось. Реки во время такого потопа выходили из берегов и несли в своих водах вывороченные деревья и погибших животных.

Для хлопководов Чако дождь был необходимым условием для начала сева. Ниже в воспоминаниях Михаила Шевчука можно подробно прочитать о проблемах чакареро этого района. А вот для выращивавших табак «табакалеро» Мисьонеса, дождь был скорее помехой. А. Котовский подростком работал на плантации и описал этот труд. Зимой нужно было посадить табак на рассаду, затем ее пересаживали на плантацию: один человек проделывал отверстия заостренной палкой, а идущий за ним нагибался и помещал туда рассаду. На одном гектаре можно посадить 10-12 тыс. стебельков, и столько же приходилось нагибаться. Если работа проходила в дождь, то работники промокали насквозь. Потом за плантацией следовало внимательно следить: удалять лишние боковые побеги растений, пропалывать их, опрыскивать дустом от вредителей. «Труднее всего приходилось во время сбора табака. Работали день и ночь. Восход солнца встречать на плантации стало законом. Пока жара меньше, заготавливали листья: обламывали их со стеблей, складывали в ряд и на плечах носили в гальпон[*]. А уже там, в соответствии с качеством, раскладывали на три сорта. Необходимо было хорошо смотреть, какой листок к какому качеству отнести, потому что если купец найдет в высоком сорте хоть один листочек нестандартного качества, он целый пучок или даже вязанку отнесет к низшему сорту, а для табакалеро это, конечно, немалая утрата. Перебранные листки нанизывали на прутья, которые развешивали на приспособлениях для сушки. Бывало, всей семьей гнемся в гальпоне над листьями до полночи, а то и позже. Тускло горит газовая лампа, подвешенная на длинном дроте. Все сидим молча, у каждого лицо полусонное. Только брызги холодной воды отгоняют на время сонливость».[24]

---

[23] Прокопчук А. Я. Указ. соч. – С. 32.

[*] Гальпон – навес.

[24] Котовский А. Х. Указ. соч.. – С. 30-31.

Необходимо отметить, что собранный урожай не всегда удавалось выгодно продать заготовителям. Известной закономерностью было то, что в урожайные годы цены на продукты падали, и расходы чакареро не покрывались заработком. Примером может служить ситуация в Чако в 1947 г.: «В годы неурожая, когда из-за засухи или нашествий саранчи колонисты собирают очень мало хлопка, покупатели хлопка платят немного выше. Но это их такой маневр, чтобы вызвать желание у колониста дальше обрабатывать землю и сеять хлопок. Однако они даже в годы неурожая могут понижать и повышать цены, как им захочется. Например, в прошлом году тонна хлопка стоила 500 песо, но также и по 350 и 150 песо. В этом году тоже. Пока колонисты не везли на продажу своего тяжелым трудом полученного продукта, покупатели пустили пропаганду, что цена на хлопок 600 песо. Но когда стали прибывать машины и возы с грузом на сборные пункты, через пару дней цена упала до 400 и меньше песо за тонну хлопка».[25]

В условиях, когда предприниматели диктовали закупочные цены, чакареро могли объединиться и договориться о том, чтобы не продавать продукцию задарма. Среди белорусов и украинцев были распространены симпатии к СССР («государству трудящихся»), и поэтому среди них пользовались поддержкой члены Компартии Аргентины (КПА) или местного коммунистического СУБРО (Союза украинских и белорусских рабочих организаций). В 1934-1936 гг. субровцы приняли активное участие на территории Чако и Мисьонес в крестьянском движении, которое было направлено за повышение закупочных цен на продукты. Члены СУБРО повсеместно входили в состав забастовочных комитетов, а на одном из митингов в Чако член КПА Р. Пастушок призывал колонистов бороться не только за повышение закупочных цен, но и с политическими лозунгами: «выступить вместе с аргентинским народом против угрозы фашизма в стране».[26]

Касаясь темы участия белорусских и украинских чакареро в «движении трудящихся», следует упомянуть об одном громком событии, известном в масштабе всей Аргентины. Речь идет о кровавых событиях 15 марта 1936 г. в городе Обера (Мисьонес). Согласно версии украинского просоветского издания «Ілюстрований народний календар на рік 1943.» («ІНК на рік 1943») события разворачивались следующим образом. В декабре 1935 г. началась большая засуха, продлившаяся до 20 марта 1936 г. и погубившая посевы продуктов, в том числе и табака, производство которого выручало иммигрантов в трудные годы. Чакареро решили обратиться к властям за помощью: «Под руководством более сознательных людей решили организовать что-то подобное на процессию, которую делали в давние времена при освящении воды в иордани. Но тут, вместо просьб Богу, пошли

[25] Нестерук В. В Чако спекулянти багатіють, а чакарери бідніють // Світло. – 1947. – 22 квітня.
[26] Руденко А. Белорусские иммигранты в антифашистском движении Аргентины // Латинская Америка: современный этап развития. Книга 2. – Москва,1975. – С. 125

просить губернатора этой территории, – Д-ра Ванаско, который будто бы должен был приехать в Обера 15-го марта 1936 г.… Подали просьбу к этому Губернатору, который будто бы согласился дать разрешение. В этом мероприятии приняли участие колонисты всех национальностей, которые живут в Мисьонес. Были тут аргентинцы, поляки, украинцы, белорусы, испанцы, русские, итальянцы, шведы, венгры и другие».[27] Обращает на себя внимание неуверенное утверждение по принципиальному вопросу – была ли разрешена демонстрация? В воспоминаниях А. Котовского (в то время сына украинца-чакареро Мисьонеса) по этому вопросу сказано: «Но где-то за два-три дня до этой даты (*имеется ввиду 15 марта – Ш.С.*) по сельве пошел слух, что губернатор отказался от своего обещания, и поэтому полиция запретила чакареро собираться в Обера. Однако людей уже ничто не могло сдержать».[28]

Последующие события привели к трагедии: в Обера стали стекаться земледельцы, но утром прибывшие в полицию за разрешением были арестованы. Первых колонистов, которые прибыли в город, собрали на площади, обыскали, а потом под конвоем вывели за город и приказали бежать домой, не оглядываясь. В это время на горизонте показалась процессия фермеров, которые шли в Обера. Среди них были женщины, дети и старики. Демонстрация имела вид религиозной процессии, только вместо хоругвей люди несли плакаты: «Лучшей цены на продукты!», «Хлеба и школ для детей!», «Открыть бесплатные лечебницы!» Люди были в хорошем настроении, слышались песни на разных языках.

Полиция на подходе к городу перегородила дорогу. Неожиданно раздались выстрелы, и с разных сторон стали выбегать вооруженные ружьями и мачете люди, которые напали на фермеров. Поднялся страшный крик! А нападавшие, разъяренные своими выкриками «И – па!.. И – па!.. Смерть всем русским!.. Смерть коммунистам!..», озверели окончательно (указывалось и на то, что среди них были пьяные). Колонисты не могли свободно разбежаться в стороны, поскольку дорога с обоих сторон была огорожена колючей проволокой. Кто перелез через ограждение и кинулся в лес, не мог чувствовать себя в безопасности: за ними гнались полицейские и специально привезенные против них парагвайские военнопленные и дезертиры. Беззащитных женщин ловили в лесу и насиловали. В результате кровавой бойни погибло три украинца – Иван Мельник, Микола Олиферчук и 12-летняя Василиса Савицкая. Всех избитых, изнасилованных насчитывалось более 400 человек. Арестованных (многие из них были ранены) держали в переполненных камерах, при невыносимой жаре, заставляли подписывать нужные полиции бумаги. «Полиция ездила пять дней по местечкам и колониям, отыскивая украинцев и белорусов. Сколько

---

[27] Бабенко К. 15-го березня на Обера в Місіонес // Ілюстрований народний календар на рік 1943. – Буенас-Айрес, 1942. – С. 34-35.
[28] Котовський А. Х. Указ. соч. – С. 26.

было всех убито, до сего дня неизвестно. Известно лишь о тех, кто был убит на месте, и кого нельзя было спрятать».[29]

Помимо «ІНК на рік 1943» о событиях 15. 103. 1936 г. упоминала и З. Забчук, которая передала рассказ родителей своего мужа (украинцев): «Моему мужу было пять лет, и его мать маленьких детей укрывала под кроватью, потому что стреляли. Это было из-за каких-то проблем, связанных с выращиванием табака. Была манифестация, и были раненые, даже убитые. Но там вмешалась полиция. История эта очень запутанная: в Бразилии были волнения, и прибыли к нам из Бразилии революционеры, и немцы, и «марогато» (индейцы, жившие в лесу). И они были настроены против славян в Бразилии, а бразильская граница расположена в 20 км от нас, и она свободно переходится. Были тяжелые времена, потому что они ненавидели всех белых, которых называли «русскими». Это нигде не зафиксировано в документах, но люди говорят, что из Бразилии вмешались в эту манифестацию, и они были связаны с полицией. Но полиция и манифестанты не хотели стрельбы: организаторы шествия и выступившие люди хотели только поднять цену на табак. А прибывшие из Бразилии начали стрелять…»[30]

История действительно запутанная. Но как бы то ни было, полиция жестоко разогнала демонстрантов, при этом специально натравив на них индейцев (то ли из Парагвая, то ли из Бразилии). Манифестантов обвиняли в коммунизме, при этом не делалось большой разницы между «коммунистами» и «русскими», под которыми имелись ввиду украинцы и белорусы, которых отыскивали еще пять дней после расправы. Обращает на себя внимание и то, что жертвами стали исключительно украинцы (один из них – И.Мельник – оказался на месте трагедии случайно: он ехал на религиозный сбор единоверцев-субботников). Вышедшій в Буэнос-Айресе в 1945 г. «Український народний календар Світло на 1946 рік», упоминая о 15 марта 1936 г., говорит о «манифестации-процессии украинских колонистов в Обера».[31] То есть, не смотря на интернациональный характер мероприятия, украинцы среди демонстрантов количественно преобладали. О том, что среди манифестантов преобладали украинцы, пишет и А. Котовский.[32]

Это наводит на мысль, что в организации манифестации в Обера принимали участие члены СУБРО. Об участии в организации демонстрации в Обера коммунистов говориться в воспоминаниях А. Котовского: «в нашу местность приехали из Буэнос-Айреса два безработных – активисты СУБРО Петр Мовчан и Василь Коваль. Они агитировали земледельцев … добиваться встречи с губернатором, чтобы ему лично рассказать про чрезвычайно тяжелые условия жизни и просить помощи в стабилизации цен на

[29] Бабенко К. Указ. соч. – С. 35-36.
[30] Зенона Константиновна Забчук // Шабельцаў С. Указ. соч. – С. 348-349.
[31] Рудик М. Укр. Еміграція в Аргентині // Український народний календар Світло на 1946 рік – Буенас-Айрес, 1945. – С. 192.
[32] Котовський А. Х. Указ. соч. – С. 26.

сельскохозяйственную продукцию, открыть школы и государственные лечебницы. Теперь по колониям почти каждый день проходили сборы…»[33] Информация у А. Котовского подробная, вплоть до фамилий приехавших из Буэнос-Айреса, – получается, что фермеры оказались сагитированы на рискованные действия иммигрантами-коммунистами.

Вырисовывается со всех сторон неприглядная картина: местные власти, не желающие вникать в проблемы поселенцев и отказывающие им в поддержке, провоцируют у них антиправительственные настроения. Фермеры-иммигранты, многие из которых были привлечены в Мисьонес аргентинскими властями, ощущают свою беспомощность и чувствуют себя обманутыми. Этим пользуются их соотечественники из СУБРО, которые толкают их на неправомерные действия (демонстрация всё же не была разрешена). В ответ на это власти, по данным «ІНК на рік 1943» и А. Котовского подкупленные табачной компанией, игнорируя закон и всякие приличия, допускают открытое насилие над мирными манифестантами. В этих обстоятельствах можно только пожалеть трудолюбивых иммигрантов, которые, оказавшись в безвыходном положении, доверились СУБРО и пострадали от непропорционального применения силы местной администрации и полиции.

Затрагивая вопрос об идеологических предпочтениях иммигрантов, следует отметить, что среди украинцев было разделение на националистов и пророссийски настроенных выходцев с Украины. Последние часто симпатизировали СССР, который за рубежом называли «Советской Россией». Белорусы поддерживали связи на уровне организаций с просоветскими украинцами и вместе с ними составляли единый социо-культурный комплекс. Из-за политических расхождений происходили конфликты между ними и украинскими националистами, которые отрицательно ставились к СССР и коммунистическим идеям вообще. Но коммунистическая идеология среди просоветских чакареро часто имела второстепенное значение: поселенцы были далеки от понимания сути жизни в СССР, и главным было наличие ностальгии по родине, под которой понималась территория бывшей Российской империи. Хотя, заметим, что КПА среди украинцев и белорусов находила значительное число сторонников.

Культурная и языковая близость выходцев из «крессов всходних» Польши содействовали заключению смешанных украинско-белорусских браков. На заработки в Америку приезжали молодые мужчины, а возвратиться на родину в поисках невесты они не имели возможности. Тогда женихи искали невест среди семейных соотечественников, которые жили рядом. На смотрины в сельскую местность Парагвая или севера Аргентины приезжали также украинцы и белорусы из аргентинских городов. «Яков

[33] Котовський А. Х. Указ. соч. – С. 26.

Игнатьевич Скрипель, из Дрогичина приехал в Буэнос-Айрес на заработки, как и мой отец. А когда ему уже исполнилось тридцать лет, но он не мог там жениться, он поехал в Парагвай за невестой. Нелегально переплыл Парану, а там жили семьи переселенцев из Украины, Белоруссии, которые ехали в джунгли... Там, в Парагвае, Яков Игнатьевич познакомился с большой украинской семьей переселенцев из-под Ровно, где было девять детей, в большинстве своем девочек. Девочек выставили, и он выбрал себе жену, Нину Тимофеевну. Посадил ее в лодку и привез в Буэнос-Айрес».[34] Женихи на момент сватовства имели заработок, могли обеспечить семью, поэтому девушки (иногда не без уговоров родителей) решались на вступление с ними в брак, хотя знали человека порой меньше суток.

Что касается взаимоотношений с местными аргентинцами или парагвайцами, то они складывались по-разному. Европейцев, не знавший местный испанский язык, называли «грингос» (это слово в настоящее время считается нецензурным). Иммигрантам приходилось жить по соседству с креолами или индейцами, племена которых разнились между собой по менталитету и культуре. Например, Тамара Моток отзывалась положительно о жителях в окрестности колонии Фрам: «Местные – люди хорошие. Мы жили с ними, на работу их брали: вреда нам никто не причинил, чужого не брали. Им этого не надо, им бы только день прожить. Там зимы нет, где посидел, там и поспал. А ранчо сделают из бамбука, а из пальмы крышу сделают, штакетов наставят, то есть забор сделают, чтобы животные не ходили».[35] Европейские колонисты часто нанимали местных жителей на работу на чакре, и установили добрососедские отношения. И. Стома, по словам его дочери, даже одно время был агрономом у индейцев и учил их обрабатывать землю: «Отца индейцы встречали на работу и провожали с работы домой, чтобы никто не напал. Они ему подарили красиво выделанный пояс, а это говорило о том, что они отца очень уважали. У индейцев богатство всё такое: жена могла всё на голове перенести, а муж на лошади, и пистолет на боку. Она ребенка на бедро посадит, которые младшие, берут мать за юбку, а кто постарше – идут впереди матери. Рыбой питались, дичью, обезьян даже ели».[36]

Не менее экзотичными были племена тоба в джунглях на севере провинции Чако в Аргентине: «Во время сбора хлопка индейцы выходят из леса, их колонисты одевают, и они за очень низкую цену собирают хлопок. Каждый день они получают заработанные деньги и в тот же день расходуют их на покупку продуктов питания. Они не понимают, что нужно сберегать заработанные деньги. Для вентиляции мужчины распарывают штаны, и когда они наклоняются, то стыдновато на них смотреть. После сбора хлопка одежду оставляют в кустах, а сами нагими уходят в лес до следующего сбора

---

[34] Анна-Тереса Евгеньевна Садовская // Шабельцаў С. Указ. соч. – С. 251.
[35] Зинаида Ивановна Теребей и Тамара Александровна Моток // Шабельцаў С. Указ. соч. – С. 318.
[36] Зинаида Ивановна Теребей и Тамара Александровна Моток // Шабельцаў С. Указ. соч. – С. 321-322.

хлопка».[37] Разумеется, что колонисты не стремились создавать семьи с представителями такой отличной от их культуры: если не было возможности вступить в брак с соотечественниками, то тогда женились с иммигрантами-европейцами других национальностей.

Жизнь вдали от родных мест, в чужеродной иноязычной среде вызывала у иммигрантов острую ностальгию, когда даже материальный достаток не может принести удовлетворение. Чувство утраченной родины могло появиться в любой момент: когда хочется съесть любимое блюдо, недоступное в Южной Америке, или увидеть снег, почувствовать запах знакомых растений. Белорус Константин Артюх стал крепким чакареро в Мисьонесе, женился на украинке, но, по словам дочери, вечерами «мама с сестрой пошли корову доить, а папа сидит с папиросой – и слезы у него на глазах. И он говорил, что плачет, потому что очень скучает по родине».[38]

Разумеется, события, связанные с Беларусью и Украиной, были в центре внимания иммигрантов в Аргентине и Парагвае. В 1939 г. просоветски настроенные иммигранты радостно встретили известия о том, что Западная Беларусь и Западная Украина были присоединены к СССР. Среди чакареро, распространились желания вернуться на родину, где установилась, как они считали, народная власть, принесшая избавление от социального и национального гнета Польши. Но в Европе шла война, а во всей Южной Америке не было ни одного посольства Советского Союза. Осуществление мечты откладывалось.

Нападение нацистской Германии на СССР было встречено белорусами и просоветски настроенным украинцами с негодованием: они организовали движение помощи родине и собирали деньги, одежду, медикаменты в фонд помощи СССР. Среди участников движения помощи были и чакареро Аргентины и Парагвая, которые собирали деньги по праздникам, на свадьбах и других торжественных мероприятиях. Кампания в поддержку Советского Союза активно использовалась КПА для распространения своего влияния, что вызывало негативную реакцию властей. Политика по отношению к коммунистам в Аргентине ужесточилась после военного переворота 4 июня 1943 г.: новое националистическое правительство отменило действие конституции и подвергло преследованиям левые организации. В Аргентине прокатилась волна репрессий, и в первую очередь она затронула коммунистов. Комитеты помощи СССР, связанные с КПА, вскоре были закрыты, а некоторые активисты движения арестованы. Наиболее трагические события произошли в провинции Чако: в 1944 г. здесь на заброшенном «ранчо» нашли тела зверски замученных украинцев Петра Здеба и Романа Пастушка.

После войны в 1946 г. Аргентина установила дипломатические отношения с Советским Союзом, и в Буэнос-Айресе открылось посольство

[37] Прокопчук А. Я. Указ.соч. – С. 79-80.
[38] Зенона Константиновна Забчук // Шабельцаў С. Указ. соч. – С. 347.

СССР. Украинцы и белорусы, остававшиеся до этого польскими гражданами, смогли теперь принять советское гражданство. Получение советского паспорта для них означало возможность вернуться на родину, и многие жители сельской местности Парагвая и Аргентины стали распродавать имущество и готовиться к переезду. Но руководство СССР не спешило «давать добро»: советские дипломаты объясняли это тем обстоятельством, что после войны страна еще не оправилась и не могла принять большой поток реэмигрантов.

Во втор. пол. 1940-х гг., когда Европа лежала в руинах, промышленность Аргентины активно развивалась, и многие украинцы и белорусы покидали свои чакры и переезжали в город. Главным местом поселения для иммигрантов был Буэнос-Айрес и его пригороды: здесь легче было найти работу, и рядом находилось посольство СССР, с которым необходимо было поддерживать контакт желавшим вернуться на родину. В 1955 г., уже после смерти Сталина, был издан указ о том, что советские граждане за рубежом могут вернуться на родину. Из Аргентины (сюда входят и приехавшие в Буэнос-Айрес из Парагвая) в Украинскую ССР до 1966 г. переселилось 4195 чел.,[39] а в Белорусскую ССР за все время, вероятно, около 1,5-2 тыс. чел. Но количество реэмигрантов было большим: определенная часть из них направлялась на целину (Казахскую ССР). Затем они могли переехать в другую республику, но выезд за пределы СССР поначалу был невозможен.

После столкновения с советской действительностью втор. пол. 1950-х гг., когда материальное положение населения было довольно тяжелым, значительная часть реэмигрантов захотела вернуться в Южную Америку. Но руководство СССР запрещало такое возвращение, а затем из-за угрозы международного скандала (Аргентина поднимала этот вопрос в ООН) изменило свою позицию. К апрелю 1966 г. из 4195 реэмигрантов и репатриантов из Аргентины, проживавших в УССР, 1598 человек обратились с просьбами на выезд. Из этих заявлений органы милиции удовлетворили 1382 просьбы, и на 1. 01.1 966 г. 865 человек выехали из СССР.[40] Следует отметить, что на возвращение могли рассчитывать только те реэмигранты, которым прислали вызовы родственники или которые имели в составе семьи аргентинского гражданина. Аналогичное положение наблюдалось и среди белорусских реэмигрантов, хотя из Беларуси возвращалось значительно меньшее количество человек. По подсчетам автора (на основе данных Архива МВД Республики Беларусь) с 1964 по 1971 г. включительно из БССР в Аргентину выехало 202 человека, хотя количество подавших заявления на выезд, как и в случае с украинцами, было большим.

По состоянию на 1 января 1974 г. из 160 тыс. проживавших в Аргентине выходцев из территорий, составлявших Советский Союз,

---

[39] Центральний державний архів громадських об’єднань України. Ф.1, оп. 24, д. 6167, л. 5.
[40] Центральний державний архів громадських об’єднань України. Ф. 1, оп. 24, д. 6167, л. 5, 6.

гражданство СССР имели 40 тыс. человек. Среди советских «соотечественников» было 120 тыс. чел. украинцев и 10 тыс. – белорусов.[41] Только незначительная часть из них проживала в сельской местности: тяжелый труд на поле проигрывал в сравнении с теми условиями, в которых работали жители городов. Украинцы и белорусы (особенно молодежь) в Парагвае также покидали свои чакры и направлялись в города Аргентины, где больше возможностей для самореализации и жизнь кажется веселее. В настоящее время трудно сказать, сколько украинцев и белорусов живет в сельской местности в Аргентине и Парагвае. Масштабные опросы с целью выяснения этнической принадлежности жителей провинций не проводились, а формально все родившиеся в этих странах считаются аргентинцами и парагвайцами. Можно с уверенностью сказать, что и теперь есть украинцы и белорусы, работающие на чакрах. Потомки первых европейских поселенцев отличаются менталитетом и фенотипическими особенностями от местных жителей, чем проявляется их «инаковость» среди окружающих. Это вызывает у потомков европейских иммигрантов интерес к истории своих семей и к культуре родины предков.

Примером бережного отношения к прошлому своих родителей могут служить этнические общины в Обера (второй по численности город провинции Мисьонес). Здесь существует Парк Национальностей, где каждая община имеет собственный дом, который служит местом встреч для представителей той или иной этнической группы и в котором представлены экспонаты об истории первых поселенцев этой национальности. В Парке сооружена и «русская изба» (на 300 чел.), принадлежащая Русской Общине Мисьонеса (создана 28 февраля 1987 г., первый руководитель Зенона Забчук), которая объединяет русских, белорусов и украинцев (в Парке имеется и отдельный украинский дом украинской общины (националистов)). Рядом с «русской избой» находится специально перевезенный из сельвы деревянный дом украинца Василия Мельника (одного из колонистов Мисьонеса). После реставрации (под руководством архитектора Сильвии Окулович) дом В. Мельника превращен в Русский Музей, который открылся 7 сентября 1997 г. Экспонатами Музея служат предметы быта первых иммигрантов, рушники, разнообразные сувениры.

На одной из центральных улиц Обера последовательно размещены площадки представителей той или иной этнической группы: на них установлены памятные знаки или монументы, связанные с историей и культурой определенного народа. Существуют площадка, принадлежащая Русской Общине, а также отдельная площадка украинцев (националистов). В сентябре каждого года в Обера проводится национальный Фестиваль Иммигранта, в ходе которого каждая община демонстрирует свои костюмы, танцы, песни, блюда национальной кухни. Во время праздника избирается

[41] Товариство «Україна». Папка «Аргентина». – Справка о клубах соотечественников за 1974 г.

Королева красоты, и Русская Община гордится своими тремя представительницами, которые в разные годы удостаивались такой чести.

Помимо Русской Общины Мисьонеса совместные организации белорусов и украинцев существуют еще в провинции Буэнос-Айрес. Это клубы имени М. Горького (г. Лянус), имени Н. Островского (г. Лянус), имени В. Белинского (г. Сан-Мартин), имени В. Маяковского (г. Кильмес), «Дніпро» (г. Лавальоль), «Восток» (г. Бериссо). Данные общественные организации объединяют украинцев и белорусов, ранее ориентированных на СССР. Члены клубов – жители пригородов Буэнос-Айреса, переехавшие в свое время из сельской местности Парагвая и Аргентины. В своей общественной деятельности они культивируют братство восточнославянских народов: например, на торжествах при чествовании хористов выходят девушки в украинском, белорусском, русском народных костюмах, выносятся флаги Украины, Беларуси и России. Потомки украинских и белорусских иммигрантов изучают русский язык, представляют белорусскую и украинскую культуру на торжествах, посвященных этническим группам в Аргентине.

Представленный сборник включает в себя воспоминания украинцев и белорусов, которые в прошлом жили в сельской местности Аргентины и Парагвая. Первые три рассказа (№ 1-3) записаны автором этих строк в Минске, четвертый текст представила минчанка Сильвия Окулик. Следующие девять (№ 5-13) были записаны автором этих строк в Буэнос-Айресе и одноименной провинции в июле-августе 2010 г. во время встреч с проживающими там белорусами и украинцами. Интервью с ними проходили в форме свободной беседы, в ходе которой иммигранты рассказывали о себе и о судьбе своих родителей. При этом им задавались вопросы, концентрирующие их внимание на этнической идентификации, религиозной принадлежности, характере общественной деятельности иммигрантов. Рассказ собеседника записывался на магнитофон, а затем составлялся текст, который передавался автору рассказа для последующей проверки и уточнения. Запись о семье Скалковичей (№ 14) со слов Григория Скалковича сделала его супруга Валентина Сербина.

В ходе встреч с белорусами и украинцами в Аргентине выяснилось, что большинство из них испытывают затруднения при разговоре на украинском, белорусском или русском языках, поскольку родным для них является испанский язык («кастижо», как говорят в Аргентине). Поэтому еще два белоруса (тексты № 15-16) написали свои воспоминания на испанском языке, перевод которых выполнила старший преподаватель кафедры иностранных языков Белорусского государственного медицинского университета Оксана Михайловна Костюшкина. Под № 17 стоит краткое письменное сообщение о себе М. Пыжик. Текст № 18 – это статья из газеты белорусских иммигрантов «Родной голос», которая выходила на русском языке во второй половине XX

в. в Буэнос-Айресе. Рассказ № 19 взят из сборника «Crónicas de Vida. Mujeres Inmigrantes de Oberá y Colonias», который вышел в 2007 г. в провинции Мисьонес, – это собрание воспоминаний женщин-иммигранток, которые в составе своих семей приехали в Южную Америку и вынесли наравне с мужчинами все тяготы и лишения, выпавшие на их долю. Перевод с испанского языка текста № 19 также выполнила О. М. Костюшкина.

Всех опрошенных респондентов объединяет то, что они (или их родители) приехали в Южную Америку из межвоенной Польши для того, чтобы работать на земле. Однако со временем многие из них покинули свои чакры и отправились на заработки в города, преимущественно, в Буэнос-Айрес и его пригороды. Поэтому ценность для исследователей представляют на только подробности быта и проблемы адаптации иммигрантов в сельской местности Аргентины и Парагвая, а в первую очередь перипетии жизни бывших белорусских и украинских крестьян в аргентинских городах. В беседах также иногда затрагивались вопросы адаптации в Советском Союзе реэмигрантов, которые в 1950-х гг. вернулись из Южной Америки на родину.

Опрошенные в Аргентине являются представителями той части белорусской и украинской диаспоры, которая не относится враждебно к России. Порой украинцы и белорусы считают себя частью «русских», которыми называют выходцев из Российской империи или СССР. Иногда под «русскими» они подразумевают православных выходцев с территории бывшей Российской империи или СССР. Однако, в Аргентине и Парагвае существуют и националистические украинские общества «Просвіта» и «Відроження», где культивируется особость и самостоятельность украинского народа, а Россия рассматривается как постоянная угроза Украине. Мы принимаем как данность разность идеологических предпочтений и нюансы этнической идентификации украинцев и не привносим априори негативный смысл в слово «националист»: мы просто констатируем факт вариативности идентификации украинцев. Но данный сборник (за исключением, возможно, текста № 19) содержит воспоминания тех иммигрантов (или их потомков), которые в прошлом были ментально ориентированы на Советский Союз. Для них националистическая (белорусская или украинская) доктрина является чуждой.

Автор-составитель сборника выражает искреннюю признательность тем, кто оказал содействие в его поездке в Аргентину в 2010 г. и без чьей помощи данная публикация была бы неосуществима:

Белорусскому обществу по связям с соотечественниками за рубежом «Радзіма» и лично Галине Новицкой

Эдуардо Пенисси

Сергею Лукашевичу

Леониду Шевчуку

Степану Шевчуку

Михаилу Шевчуку
Галине Волос
Григорию Скалковичу и Валентине Сербиной
Зеноне Забчук
Сильвии Окулик
Сергею Приступе и Марии Лис
Николаю Свибовичу
Владимиру Голышу
Ольге Вознюк
Нине Лобановской
Андрею Зощуку
Марии Гриневич де Бураксьоне.

№ 1

Гарустович Константин

Мой отец – Константин Игнатьевич Гарустович – уроженец деревни Клетное Пружанского района, который эмигрировал в Аргентину в 1928 г., а мать – чистокровная аргентинка, дона Гертрудис Басилика Рамирес де Гарустович. Я родился в 1941 г. в Буэнос-Айресе, но вскоре наша семья переехала в сельскую местность на Формосе. Природа там удивительная: огромное количество птиц, зверей, рыб. Часто стоит шум от птиц чарате (даже песня такая есть «чарате»), но самих птиц я никогда не видел. Как только наступает вечер, по всем окрестностям разносится крик макак (в нашей области они были черные). Я с 11 лет ходил с ружьем, обращаться с которым меня научил отец. Он мне его дал и сказал застрелить цецеру. Мне было не трудно в нее попасть, но отец сказал стрелять в голову. А она же маленькая! Но я выстрелил и попал. После этого я стал охотиться на разную дичь, а там водится: пато́ (дикая утка), пакаа (дикая курица, которая и по воде ходит), карау (черная дикая птица, мясо которой очень вкусное: она больше летает и плавает, а не по земле ходит), хоко (огромный журавль, из мяса которого наша семья два дня суп ела), чаха (огромная курица, толстая, не такая как хоко (тот высокий и худой)).

Запомнилось, как мне попался туюю – это птица на подобие нашего аиста, выше мальчика. И она летит, взмахивая крыльями, с таким звуком от каждого взмаха. Я его увидел на земле, приблизился, а туюю меня увидел за десять метров и стал угрожающе стучать клювом. Я выстрелил, а он поднялся и полетел (мне даже подумалось, что дробь его не задела). Но смотрю: как-то неестественно он стал кружиться и опускаться на землю. Я побежал туда, а туюю раненый на меня опять щелкать клювом. Хотел в него опять выстрелить дробью, но передумал – зачем заряд тратить? Взял ружье и прикладом добил его. Принес домой, а мама обрадовалась тому, что семья мясо будет кушать. Правда, у туюю очень твердое мясо – три часа его варили.

Трудные были времена: однажды мама сварила нам траву verdolaga – она такая сочная, ее обычно свиньям на корм дают. На голодный желудок съесть что-нибудь из мясного было очень вкусно. У нас дома висело скопище клювов туканов, которых я приносил с охоты. Клюв отрезаешь, а мясо и голова очень вкусные. Однажды, подстрелив тукана, я чуть не наступил на метрового крокодила. Пришлось стрелять не в тукана, а в крокодила. Как только в него выстрелил, моя собака Кайзер на него набросилась и загрызла. А этого крокодила у меня один местный попросил, чтобы съесть. Я ему тушу отдал (самому противно было есть), и он меня при встрече за это несколько раз благодарил. Вот игуану в пищу мы употребляли: ее хвост по вкусу как рыба. А мясо броненосца еще вкуснее! Правда, поймать его трудно: он мгновенно зарывается в землю. Но мой Кайзер его откапывал.

Можно было и удить рыбу: у нас в реке вода была соленая, поэтому и называлась она «Соленая» (Rico Solado). В реке водилась рыба вагри (с усами – сом, по-русски). Однажды отец и еще человек 7 местных купили сеть и ей ловили рыбу, а улов делили между собой. Но в воде было много и змей. Помню, после дождя воды на болоте стояло по колено, и я пошел на охоту. И только приблизился к птицам, как почувствовал, что наступил на что-то. Подумал, что это угорь: взял под водой его за голову, вытащил – и оцепенел. Это же неандурье – змея с красным брюхом, очень ядовитая. От испуга я ее отшвырнул подальше, а сам побежал на сухое место. И даже, оказавшись за болотом, весь трясся от возбуждения. Хорошо, что неандурье меня не укусила! Змеи часто заползают и в жилье человека: однажды мы нашли гнездо змеи у мамы под кроватью. А второй раз, когда змея заползла к нам во время ужина, ее увидел наш кот, который стал громко шипеть и махать лапами. Так он нас предупредил. Но самая страшная змея – это диарара: от ее укуса спасенья нет. Часто эта змея лежит на дороге, и человек может подумать, что она мертвая. И как только тронет ее ногой, она его кусает. Поэтому лучше сразу взять палку и убить ее, когда она притворяется.

В нашей местности школы были низкого уровня, и одно время меня отдали в школу в Реконкисте, провинция Санта-Фе, где я жил у Николая Шабуни. Тот сожительствовал с русской: у нее был дом, двое детей от прежнего мужа. Они между собой говорили по-русски, и с детьми – но те отвечали по-русски неохотно. А я по-русски до приезда в клуб Буэнос-Айрес, в клуб Горького[42] ничего не знал. Жил в Реконкисте почти год. Но Шабуня однажды много выпил (он нередко пил), и ему стало плохо. Вызвали врача, но тот ничем не помог, и Шабуня умер. В Реконкисте я принял первое причастие: «la primera communion». Это большое событие: сначала где-то месяц проходят дети катехизацию (учат их молиться, рассказывают о том, как Бог создал мир и т. д.), потом в субботу идут на исповедь (служба не проводится), а в воскресенье – на первую мессу. После службы их уже ждут родители, и у кого-то дома устраивается большой детский праздник (называется «el chocolate») с разными угощениями.

г. Минск. 28 января 2010 г.

№ 2
Кобрынец Михаил

Наша семья до 1939 г. где-то перед самым воссоединением Западной и Восточной Беларуси переехала из деревни Паршевичи (Пинский район) в Парагвай. Жили мы в Пикада Пита и занимались сельским хозяйством – выращивали хлопок. Климат там тяжелый: жарко, распространены болезни

---

[42] Культурно-спортивный клуб имени Максима Горького – создан в октябре 1951 г. в пригороде Буэнос-Айреса Авельянеда (ныне – г. Лянус) на базе и в здании бывшего белорусского общества имени Якуба Коласа. В середине 1950-х насчитывал до 5 тыс. членов – белорусов и украинцев, ориентированных на СССР. Функционировали библиотека, танцевальные кружки, классы по изучению русского языка. В середине 1980-х насчитывал 250 членов. Действует и в настоящее время.

(была такая разновидность червей, которые проникали человеку под ногти, а у женщин в половые органы – их только керосином можно было вытравить).

Семья первоначально состояла из трех человек: мой отец Иван Гаврилович, мать и дед Гавриил. В Парагвае родились по очереди я (в 1940 г.), моя сестра Мария и брат Валентин. Где-то в 1947-1948 гг. мы переехали в Аргентину: сначала отец уехал, а через год забрал всю семью в Буэнос-Айрес. Жили мы во дворе белорусского клуба, который располагался в районе Касерос: там за спортивной площадкой было две комнаты, где мы разместились. Потом этот клуб власти закрыли, опечатали. А затем это помещение арендовали местные перонисты, где проводили свои мероприятия. Мы всё еще жили в тех комнатах, я ходил в секцию бокса в этом клубе. Потом мы переехали в район Паломар (Palomar), где построили дом, а клуб этот власти закрыли после свержения Перона.

В Паломар мы жили по соседству с белорусами Бурновичами, которые родом из-под Баранович. У них было три сына – Иван, Семен и Викентий (его звали Витя или Сеня). Мой отец и все Бурновичи работали столярами. Там было своеобразное разделение труда, когда итальянцы сплошь строители, японцы владеют стиркой, а белорусы все столяры. Отец даже пробовал открыть свое дело, но частный бизнес у него не пошел. Нас могли называть «русо» или «поляко», но если назовешься русским, то тебя считают сразу коммунистом и относятся недоброжелательно. Летом я подрабатывал в химчистке у японца, и он говорил, что хоть американцы и разбомбили Хиросиму, всё же США лучше, чем Советы. А у нас был знакомый (мы его называли Яшкой), который так активно занимался политикой, что из аргентинской тюрьмы не выходил. Его даже не хотели советские дипломаты отправлять на родину, до того был ценный борец в Аргентине.

Отец, сестра и особенно мой дед хотели вернуться на родину. Дедушка часто болел, подзывал меня и говорил, что надо вернуться на родину. И в то время была активная советская агитация за возвращение: распространялись советские газеты, смотрели фильмы (мне запомнился «Садко»), тут и спутник советский запустили. Но после войны в Аргентину приехали и антисоветски настроенные белорусы. Приехали даже наши родственники по матери отца, которые рассказывали об СССР, предупреждали, но отец им не верил, считая, что это пропаганда. Наша родственница из деревни на родине не могла прямо рассказать о жизни, и писала так, чтобы только мы могли понять. Например, писала: «Живем мы, как (и называла имя придурковатого бедного еврея, который жил в деревне)». Но отец и ей не поверил.

У меня особого такого желания ехать в СССР не было: я окончил школу, поступил в индустриальный техникум; всё складывалось относительно хорошо. Да и литературный русский язык мне был почти неизвестен. В Аргентине родители к нам часто обращались на родном языке (так как говорят в деревнях под Пинском). Мы отвечали, как могли, часто коверкая один язык другим. Например, говорили: «Пошел хугарать» (то есть

«пошел гулять», jugar – «играть» по-испански). А между собой молодежь общалась по-испански. Когда советские фильмы смотрели в клубе, то для того, чтобы всем было понятно, они шли с титрами по-испански. Я в советский клуб особо не ходил, в основном только на пикники, которые они организовывали. И на такие пикники собиралось очень много народу, приходили работники советского посольства и советские моряки, если в порт заходил корабль из СССР.

В 1958 г. мы переехали в Советский Союз. В Буэнос-Айресе в это время антисовеские эмигранты проводили контрагитацию: приходили в порт и устраивали митинги. Когда кто-то из уезжавших сошел с корабля в Италии и вернулся в Аргентину, то газеты о нем говорили, что вот, мол, одумался.[43] Писали, что на кораблях организовывают среди уезжающих политинформации и т. д. У нас такого не было: мы (всего человек 80) плыли на пароходе сначала в Италию, а потом через Австрию в Чоп. Некоторые в Чопе уезжали, например, в Брест, но большинство отправлялось в Казахстан: нам говорили, что лучше ехать туда, там и климат южный.

Приехали апреле в Казахскую ССР, Чимкентскую область, Пахторанский район, совхоз имени Ленина. Разместили нас в финских домиках, где три комнаты (нам дали одну). Настроение у всех было жуткое: кругом пыль, в доме клопы. Холостяки, которые с нами приехали, сразу собрались и уехали в Чимкент. Мы приехали с ручной кладью, а свой багаж ждали около трех месяцев. Потом оказалось, что багаж уже давно пришел, но совхоз все извещения об этом клал под сукно, чтобы все не разъехались.

Мы работали в совхозе: скирдовали сено, строили саманные (из необожженного кирпича) домики, убирали хлопчатник. Кстати, некоторые привезли с собой семена аргентинских растений, садили их, но ничего не прижилось. Отличались мы от местных в лучшую сторону: когда занимались скирдованием, то тракторист за нами не успевал. Но платили за работу мало, поэтому мы в конце декабря уехали в Пинск. В Пинске нас никто не встретил, и Новый 1959 год мы встречали на вокзале, а 1 января поехали в деревню Кошевичи к родственникам. В Кошевичах мы гостевали по очереди то у одних, то у других, пока через месяц-полтора не переехали на съемную квартиру в Пинск. Через три месяца как репатриантам нам выделили двухкомнатную квартиру, где до войны размещался польский банк. Отец работал столяром, рубщиком шпал на железной дороге.

В Пинске было много переехавших из Аргентины, и они выделялись среди остальных жителей. Их можно было узнать по шарфу, светлому пальто, которые не носили в СССР, ручке «Паркер». Однажды я зашел в книжный магазин, и продавец как-то внимательно на меня смотрит, присматривается. Я у него спрашиваю, есть ли словарь? А он отвечает мне на

---

[43] Единственная из реэмигрантов, кто сошел с корабля (в Генуе) по пути следования из Аргентины в СССР, была Анна Левчук. После ее возвращения в Буэнос-Айрес в прессе поднялся вал антисоветских публикаций, которые осуждали пропаганду «заманивания аргентинцев в СССР».

испанском: «Откуда ты сюда свалился?» Познакомились: это был Карлос Шерман[44], который с женой и двумя дочками тоже приехал из Буэнос-Айреса. Потом он развелся, переехал в Минск, а жена Клара с детьми вернулась в Аргентину.

Вернулись в Аргентину из Пинска двоюродный брат отца Павел Козубовский с дочерью Анной, сестры Красовские (только брат остался, который работал шофером), и другие. И они уже не ходили в советские клубы. Но среди моих знакомых встречались и те, кто говорил, что в Советском Союзе они живут лучше, чем в Аргентине. А мне мало что нравилось: к зиме до сих пор не могу привыкнуть. В СССР был совершенно другой образ жизни: контроль за всем идеологии, дефицит (всё из-под прилавка), самогон. В Аргентине не принято столько пить: помню, к отцу пришли гости и 6-7 человек пили весь вечер одну бутылку граппы (виноградной водки). В Буэнос-Айресе если идет по улице пьяный, то за ним бежит орава малышей посмотреть, где же он упадет. Или перед самым отъездом в 1957 г. на станции я увидел столпившуюся кучу народа: это они собрались посмотреть на лежащего пьяного.

В Беларуси я женился, три года отслужил в Советской Армии, потом учился в институте иностранных языков в Минске, преподавал в школе. В Аргентине больше не был: в СССР с поездками за рубеж были большие проблемы. В 1974 г. я выезжал к родственникам в Канаду, где, к слову, тоже в Торонто был советский клуб. И для того, чтобы дали разрешение на выезд, пришлось ходить даже в комитет партии, хотя я не был коммунистом.

г. Минск. 6 февраля 2010 г.

№ 3
Волкович Андрей

Моими родителями были Михаил Артемович и Пелагея Игнатьевна Волковичи. Я родился в 1930 г. в Ляховичах (Дрогичинский район). Там были хутора, на которых жила наша большая семья.

В то время проводилась активная реклама, чтобы малоземельные крестьяне переселялись в Южную Америку, агитаторы говорили: «Там даже зимы нет!» И где-то в 1939 г., перед войной мы уехали в Парагвай. Отец еще в Польше выплатил задаток за землю в колонии Фрам, а по приезду мы увидели, что там дикая пуща. Он хотел плюнуть на задаток и купить нормальную чакру, но мать отговорила: «Смотри, все продают чакры и уезжают, а ты покупать будешь!» Мы подумали и решили уехать: контрабандой переправились в Аргентину, где сразу осели в Буэнос-Айресе.

---

[44] Шерман Карлос (25. 10. 1934 г. – 2005 г.) – белоруско-испанский переводчик, литератор и правозащитник. Родился в Монтевидео (Уругвай) в семье иммигранта из Западной Беларуси. Учился в Национальном институте им. М. Марена (Буэнос-Айрес) по специальности «филология». В 1956 г. переехал в Беларусь. В 1964 – 1980 гг. заведующий редакторско-издательского сектора Фундаментальной библиотеки имени Я. Коласа АН БССР. С 1989 г. – вице-президант Белорусского ПЭН-центра. Член Союза писателей СССР (с 1979 г.).

Мать устроилась на работу быстрее отца: занималась перебиранием старой одежды – «секонд хенд», как сейчас говорят. Отец после долгих поисков устроился на стеклозавод, где загружал сырьем печи. Он работал в три смены, там предоставляли льготы, поскольку работали по субботам и воскресеньям давали двойную оплату. Грузили печь еще белорус и украинец, который раньше работал на строительстве метро и подорвал там здоровье.

Поначалу наша семья снимала комнату: жили у какого-то поляка, потом случилось наводнение, и нас затопило. После этого мы переселились к Филиппу Романовичу. Потом недалеко от Романовичей поселились у испанцев (они бездетные были) – это район Валентин-Альсина, ул. Флорида. Напротив испанцев купили участок и построили дом.

С 13 лет я стал работать. Когда ходил в булочную за хлебом, там у меня спросили: «Не хочешь помогать сыну хозяина разносить хлеб?» Я согласился, хотя мать не хотела – надо же было учиться. Потом перешел в вечернюю школу.

В 14 лет работал у итальянца: шкуры овечьи окрашивали. Потом и другую работу. Оплата была сдельная: привлекал и своего брата Анатолия. Начинал работать в 6 утра, когда еще не жарко, а около 13-14 часов, если выполнил всё, то уже свободен. Тогда отец получал 170-180 песо, а я 165 песо (это в 1950-е гг.). Купил себе велосипед и занялся спортом: там 2-3 песо платишь за участие в соревнованиях, а получаешь приз – какой-нибудь скромный кубок, колесо или еще что-нибудь.

В районе, где мы жили, нас называли «русо», но когда выучил местный язык, то уже особо не выделяли. А в семье говорили по-русски. Наша мама была грамотная – ее отец Игнат имел даже какой-то чин в армии, часы именные. У него был самый красивый дом на хуторе. Мой отец покупал где-то в Буэнос-Айресе русские книжки и приносил домой. Помню, заставил меня учить наизусть стихотворение про Марусю Бондаренко. По-белорусски тоже могли читать: например, когда я был в гостях у Михаила Мовчана, то его отец читал Якуба Коласа.

Наша семья не была религиозна: еще в Беларуси мать ходила в церковь (или костел?), а в Аргентине, чтобы мы на улице не слонялись, она нас приписала к костелу, где мы изучали Закон Божий. Проблеммы тут нет, ведь у христиан одна и та же вера.

На районах организовывали местные аргентинские клубы, но туда женщины не ходили. Наши тоже организовали клуб «Беловеж»[45], где изучали

---

[45] Белорусское культурное общество «Беловеж» – создано 23 октября 1938 г. в пригороде Буэнос-Айреса – Авельянеде. В разные годы насчитывало от 250 до свыше 300 членов. Действовал драматический кружок, библиотека, классы по изучению русского языка. В 1941 г. при обществе организован Белорусский подкомитет помощи родине. В 1943 г. общество закрыто по обвинению в коммунистической деятельности. В 1945 г. вновь открыто под названием «Якуб Колас», в котором существовали женсекция, секция молодежи, комитет помощи родине, танцевальный, театральный и гимнастический кружки. Действовали библиотека и курсы по изучению русского языка. В 1949 г. закрыт аргентинскими властями. На базе общества имени Я. Коласа был сформирован интернациональный клуб имени М. Горького.

русский язык. Во время войны наши вязали носки, перчатки, а потом на приплывшем советском пароходе отправляли в СССР. После войны клуб стал называться «Якуба Коласа», где были организованы хор, танцы, кружок гимнастов: среди них выделялся силой Жардецкий, а Евгений Фролович всегда был наверху гимнастической пирамиды. В клуб наш пускали только его членов: ну, если Вы с кем-то придете, тогда его пустят, а так аргентинцев не пускали. Выпускали и свою газету «Родина». Родители слушали пластинки Руслановой, Лемешева. Мои братья – Игнат и Анатолий – были записаны также в аргентинскую библиотеку имени Сармьенто (был такой просветитель), где Игнат научился очень хорошо играть в шахматы.

Наши иммигранты помогали Компартии Аргентины: собирали деньги, распространяли литературу. Кто-то из белорусов и украинцев сидел в тюрьме за коммунистическую деятельность – Ляшук[46], Комарук и другие. Мы один раз в месяц организованно по 5-6 человек их навещали, чтобы те не чувствовали себя покинутыми. Это также было давлением на аргентинские власти, поскольку тем самым мы показывали, что коммунисты пользуются поддержкой у населения. Аргентинские коммунисты часто приходили к нам и просили им помочь. Мне нравилось собирать радиоприемники, и однажды подарил им радиоприемник.

После войны в Аргентину приехало много европейцев, и мы знали, например, от итальянцев, как они жили при Муссолини. А с теми, кто приехал из Советского Союза мы не общались. Но они могли подойти к нам где-нибудь в общественном месте, заговорить. Однажды, когда мы компанией сидели в кафе, к нам подошли сбежавшие из СССР. У нас завязался спор, они говорили: «Вы читаете советские газеты и верите в то, что там написано? Хотите туда переехать? В Советском Союзе плохо, нет рынка, без которого нормально не проживешь!» Мы отвечали, что в СССР при плановой экономике хорошо, а те в ответ: «Там есть только черный рынок». Тогда один из наших (он патриот, но в Аргентине занимался комерцией) сказал: «А-а! Так все же есть рынок – очень хорошо! Проживем!»

В 1955 г. наша семья приехала в СССР: на польском торговом корабле приплыли в Гдыню, а потом по маршруту Варшава – Брест – Минск. В Минске я работал на инструментальном заводе им. Чкалова (сейчас это часть завода «Горизонт»), а через год устроился на МАЗ, где проработал 17 лет. Мы хотели поехать на строительство Куйбышевской ГЭС (в Аргентине про это много писали), но нас туда не пустили. Отец устроился истопником и сторожем в детском саду от радиозавода, а через год нам дали двухкомнатную квартиру на ул Розы Люксембург.

---

[46] Ляшук Трофим Назарович (1902 – 1962) – известный деятель просоветской части белорусской диаспоры в Аргентине. Член СУБРО и КПА. До 1940 г. – секретарь профсоюза мясохладобоен в Аргентине. В 1946 – 1949 гг. являлся редактором газеты «Наш голос» (белорусская на русском языке) и председателем «Союза белорусских культурных организаций». Неоднократно арестовывался аргентинскими властями. В 1954 г. реэмигрировал в СССР. Жил в БССР (г. Высокое около Бреста).

В то время мы выделялись среди остальных жителей СССР своей одеждой: тогда у мужчин были популярны штаны клеш, а мы были одеты не так, за что нас называли «стилягами». Нам бросались в глаза очереди за колбасой, мясом в советских магазинах… Некоторые из наших старались вернуться в Аргентину, но мы остались.

г. Минск. 14 марта 2010 г.

№ 4
Окулик Сильвия

Мои родители в середине 1950-х гг. переехали из Аргентины в СССР. Мама родилась в Аргентине в семье иммигрантов из Украины. Мой дедушка – Григорий Степанович Бербека, – выехал из села Димитров Львовского района на заработки в Аргентину, позже к нему приехала моя бабушка — Мария Поликарповна Костив — там они поженились. В Буэнос-Айресе у них родились две дочери – в 1933 г. моя мама, Бербека София Григорьевна, в 1937 моя тетя, Бербека Ольга Григорьевна. Семья ходила в православную церковь на улице Бразиль, мама гордилась, что крестил их отец Константин (Изразцов).[47] К середине 50-х семья уже вполне обжилась в Буэнос-Айресе, но бабушка очень тосковала по Украине и своей семье, думаю, именно поэтому они и решились вернуться. Хотя, как мне потом рассказывали украинцы в Аргентине, многих это удивило, ведь они уже достаточно хорошо стояли на ногах.

Мой отец – Дмитрий Окулик – родился в 1929 г. в деревне Козлы Несвижского района в семье Юстина Дементьевича Окулика и Ольги Захаровны Лепешко. Дедушку подростком отправили учиться сапожному делу к сапожнику-еврею. Я не уверена, но, по-моему, дед потом неплохо знал идиш. Позже он работал писарем, а уже тогда ходили слухи, что большевики всех, кто работал на Польшу, вышлют со всей семьей в Сибирь. Агенты-агитаторы рассказывали о плодороднейшей земле, которой много в Парагвае и которая там никому не нужна – обрабатывай и сей, сколько хочешь, и в 1938 году семья решила эмигрировать. Отцу было 8 лет, его старшей сестре Вере – 12.

В Парагвае оказалось, что предлагаемое агитаторами (хорошее хозяйство, возможность иметь достаточно земли и грандиозные урожаи) было не совсем правдой. Решили переезжать в Аргентину, в страну более цивилизованную, где можно было найти работу на заводах, а не жить впроголодь, работая, как раб. Но легально это сделать было нельзя. Поэтому переехали нелегально, ночью, переплыв через реку Парану. Знаю, что детей посадили в лодку (скорей всего и бабушка тоже сидела в лодке), а дед плыл

---

[47] Изразцов Константин (1865 – 6. 01. 1953) – известный русский религиозный деятель в Аргентине. С 1891 г. настоятель православной общины в Буэнос-Айресе, где на ул. Бразиль основал первый православный храм в Южной Америке – Свято-Троицкую церковь (освящена и открыта для верующих в 1901 г.) После 1917 г. и до своей смерти занимал антисоветскую позицию, вплоть до приветствия нападения на СССР нацистской Германии в 1941 г.

рядом с лодкой. Знаю, что стреляли пограничники, но не знаю с какой стороны – с Аргентины или Парагвая. Рассказывали что, пограничникам (скорее всего аргентинской стороны) дед дал взятку. Протягивал документы, в которых лежали деньги, пограничник возвращал, говорил, что им не положено въезжать в страну, дед добавлял денег и просил посмотреть внимательнее.

Семья стала жить в нормальных условиях в пригороде Буэнос-Айреса, где дед вскоре устроился на работу. Ну, если нормальными условиями назвать домики из жестяных листов, но по сравнению с парагвайскими лачугами это был рай. Дети пошли в школу.

Через некоторое время в Буэнос-Айресе семья распалась: бабушка Ольга Захаровна, встретила там свою первую любовь. Дети остались жить с Юстином Дементьевичем, а у бабушки во втором браке были еще дочь и сын (он сейчас живет в Неукене).

Юстин Дементьевич был членом клуба имени Горького, и он вместе с моим отцом в 1956 г. вернулись в СССР. Дочь Вера к тому времени уже вышла замуж за Педро Янчука и в СССР не переехала. Здесь Юстин Дементьевич второй раз женился и у него родился еще один сын (мой дядя) – Андрей. Папа сначала работал на радиозаводе, а потом учился в институте иностранных языков, где затем преподавал. Женился на маме и у них родились две дочери – Исабель и я. В 1978 и 1985 г. папа ездил в Аргентину навещать родных, а в конце 1991 г. переехал с мамой в Буэнос-Айрес. Там они работали переводчиками и преподавателями языка, в 1994 г. папа умер. Мама его тело кремировала и перевезла в Минск, где он похоронен на Северном кладбище рядом с отцом.

Мама осталась жить в Буэнос-Айресе, для нее он всегда был родным городом, в Минске она не чувствовала себя комфортно. Работала преподавателем в школе «Berlitz» до февраля 2009г. Умерла после болезни в апреле 2009 года.

г. Минск. Текст передан 26 марта 2010 г.

№ 5
Лойко Мария

Сейчас я являюсь членом клуба имени Максима Горького (г. Лянус), заведующим библиотекой им. Якуба Коласа. Здесь же веду курсы кройки и шитья членам клуба. А родилась я в 1944 г. в Парагвае в семье переселенцев из тогдашней Польши.

Дедушка Хосе Крупец и бабушка Анна Эвкайло – белорусы из деревни Великое Село, которое находится в Западной Беларуси недалеко от Баранович. Когда в 1936 г. они эмигрировали в Южную Америку из-за надвигающейся войны, в семье уже было две дочери: 12-летняя Елена (будущая моя мама) и 10-летняя Зоя. Сначала приехали в Аргентину, потом в Парагвай, затем – снова в Аргентину. Добирались пароходом в г. Буэнос-

Айрес на пересылочный пункт, потом в провинцию Мисьонес в г. Посадас, а оттуда – в Парагвай на небольших грузовых судах. В Парагвае поселились в колонии Фрам, около Энкарнасьона, где выделили для семьи землю в лесу. Сначала между деревьями кололи палками землю – делали дырочки, куда бросали семена кукурузы или пшеницы. Постепенно вырубали лес (корчевали) и садили маниоку, табак…

Восемнадцать лет (до 1954 г.) мы жили в небольшом городке Кармен де Парана в Парагвае. В семье общались на родном (белорусском) языке, но вокруг жили эмигранты из Западной Украины, и поэтому язык стал мешанным – белорусско-русско-украинским. С коренными парагвайцами эмигранты старались не смешиваться: если родители узнают, что влюбилась в «черного», то могли сказать: «Пошла вон с хаты!»

Всё это время дедушка, Хосе Крупец, учил детей русскому языку, читал эмигрантам газеты, журналы, которые получали с родины. Он был образованным: хорошо знал языки – русский, белорусский, украинский и польский. Он вел просветительные беседы с эмигрантами. В 1950-е годы в Парагвае был фашистский режим,[48] начались сильные гонения на прогрессивных эмигрантов, некоторых местные фашисты избивали. А у дедушки было много собрано газет, журналов (были и «Белорусские Календари»[49]), тетрадей с записями. И бабушка сожгла весь этот просветительный материал, потому что боялась за жизнь мужа и детей. В 1954 г. они переехали в Аргентину, в г. Лянус (Караса), и стали членами клуба имени Островского[50]. Дедушка умер в 1974 г., так и не побывав на родине.

Мой папа (1907 г. р.) – Петр Лойко (Pedro Lojko) – украинец из Волынской области. В его семье было 7 братьев: 3-е старших и 2-е младших. В 1914 г. они остались сиротами: родители умерли от голода. Дети были разобраны между людьми, пошли в наймы… Петр в 1935 г. эмигрировал в Аргентину, в Парагвай. Нанимался на работу, где мог и куда брали. Потом устроился на мясную фабрику, где его обучили делать колбасы.

В 1941 г. он женился на моей маме – Елене Крупец. У них родилось трое детей: сначала я (1944 г.), а затем Анна (1946 г.) и Сергей (1950 г.) В 1962 г. они поселились в Аргентине также в г. Лянусе, где стали членами клуба им. Островского.

---

[48] Президентом Парагвая в 1954 – 1989 гг. был А. Стресснер, который установил диктаторский режим и жестко подавлял оппозицию.

[49] «Белорусский иллюстрированный календарь» – печатное издание белорусов в Аргентине. Выходил один раз в год в Буэнос-Айресе на русском и белорусском языках с 1939 г. (в 1947 г. (последний год издания) название – «Иллюстрированный календарь»). На его страницах размещались итоговые материалы о деятельности белорусских организаций, религиозный календарь на следующий год, статьи об СССР, призывы к помощи СССР, стихи, полезные советы.

[50] Культурно-спортивный клуб имени Н. Островского – один из самых известных и старейших организаций просоветских украинцев и белорусов. Действует в пригороде Буэнос-Айреса – г. Лянус. Основан в июле 1946 г., когда насчитывал до 3 тыс. членов (в конце 1980-х – около 300 членов). И в настоящее время действуют хорошо организованные танцевальные кружки, хор, спортивные секции.

В 1979 г. по гостевой визе на три месяца отец ездил на Украину и посетил родные места. Нашел там трех старших братьев, а младших не нашел. По возвращению в Аргентину, продолжил работать на фабрике. Умер в 1989 г.

г. Лянус (провинция Буэнос-Айрес). 18 августа 2010 г.

№ 6

Цупа Мария

Мой отец – Кирилл Александрович Цупа (Czupa) – родом из-под Ровно, крестьянин. После Первой мировой войны он с братом и двумя сестрами остались сиротами, поскольку отца убило на этой войне. Он был старшим братом в семье. Как и всем крестьянам хотелось побольше земли, и примерно в 1938-1939 гг. он эмигрировал в Парагвай. Моя мама – Ирина Кемез (Kemez) – тоже из крестьян, но родом из Западной Беларуси.

Семья наша жила в местечке Кармен дель Парана, недалеко от Енкарнасьона и Санто Доминго. Туда везли эмигрантов, чтобы осваивать земли: в Энкарнасьоне им дали все необходимое для обработки земли, и они садили пшеницу, а потом и сою. Рядом было много земляков. В Санто Доминго все говорили по-украински, жило только две польские семьи (с ними не общались), и мы – русские. А всего семей было около ста.

Мама в семье старалась говорить по-украински, но слова все же проскакивали такие, что когда я говорила, повторяя слова мамы, то мои подружки-украинки с меня смеялись. Ко мне относились нормально, а маму местные украинки недолюбливали, называли «москалькой»: не говорили, чтобы не ходила в церковь (там была украинская автокефальная православная церковь), но и смотрели на нее недоброжелательно. Когда в Енкарнасьон по большим праздникам (на Пасху – всегда) приезжал в русскую православную церковь батюшка из Буэнос-Айреса, тогда нас мама отвозила в Энкарнасьон. Но православному пению я училась в местной украинской церкви, и ходила в украинскую «Просвіту» – как все.

С местными парагвайцами мы жили нормально, нанимали их на сельскохозяйственные работы. Они – смешанное население от испанцев и индейцев, часто имели только скудное жилье (климат это позволяет). Они трудолюбивые, но какие-то неорганизованные, бедные. Кстати, парагвайский язык отличается от аргентинского: парагвайский более мелодичный, и когда в Буэнос-Айресе говорит парагваец, это сразу слышно.

Мы жили, имея польские паспорта, хотя не поляки. Про родину родители говорили: «Россия». Во время Второй мировой войны они сочувствовали СССР, переживали за родных. А в 1949-1950-м гг. в Парагвае были преследования русских, обвиняли их в коммунизме: приходили и искали что-нибудь подозрительное. Если находили, то выселяли. Люди вынуждены были продавать всё очень быстро, за полцены. И местные этим пользовались, часто безосновательно кого-то обвиняя, чтобы потом за

бесценок завладеть землей. К нам тоже приходили с обыском, но нашли только русскую художественную литературу, и поэтому не выслали. Хотя, если человек – русский, то говорили, что он коммунист.

Папа хорошо жил в Парагвае, и на родину ему хотелось бы поехать только посмотреть, но не переселяться. А я в 1974 (или 1975 г.) переехала в Буэнос-Айрес. Что для меня родина? Трудно сказать. Если, например, украинец жил на Украине, то просто и понятно, что родина для него Украина. А мне трудно сказать. Мне близки и Парагвай, и Аргентина. Сказать, что моя родина Беларусь – так нет. Украина? – тоже, наверное, нет. А вот когда я в 1979 г. приехала в Москву (затем училась на регентских курсах в Ленинграде), то у меня было очень взволнованное состояние. По прилету даже расплакалась. Я была во многих странах, но, например, в Бразилии у меня такого никогда не было.

г. Буэнос-Айрес. 3 августа 2010 г.

№ 7
Цвир Елена (по мужу Приступа)

Родилась я 1. 06. 1928 г. в селе Якуши близко от местечка Ратно на Украине. Семья имела только 4 га земли, а в то время проводилась пропаганда, что в Парагвае много свободной земли. И 29 июля 1939 г. наша семья выехала из Гдыни по направлению в Парагвай, где с 1937 г. уже жил мой брат. Там поселились в колонии Фрам, от нас брат жил в 9 км. Вокруг были белорусы, украинцы и поляки, и все говорили на своем языке, это сейчас больше на гуарани. Между украинцами и белорусами разницы нет: у меня все подруги белоруски были, и я говорила с ними по-белорусски. Когда позже в Буэнос-Айресе матросы-белорусы были у нас в гостях, то они говорили: «Как это ты украинка, а говоришь по-белорусски».

Как выезжали в Парагвай, то давали задаток за землю, а отдавали потом. Купили участок от белоруса Ивана Курдуна. Садили вату[51], маис, маниоку, пшеницу. Если урожай хороший собрали, то мало платят, а когда плохой – то много платят. Агитировали нас садить табак, и в первый год по очень хорошей цене купили. Раньше много было наших поселенцев, а сейчас мало. Уехали многие: где раньше 5-6 хозяйств было, сейчас 1-2. Сейчас механизация, машинами много обрабатывают.

Когда я была молодой, то там была хорошая жизнь: выставки устраивали, хор был, я актрисой выступала. Но молодежь выезжала. Парагвайцы ходили с ножами (их пускали), и как кто из них выпьет, то начинают ножами махать. Пристают, если девушка не захотела с ним гулять. Могли и по дороге напасть. За мной ухаживал сын макумбы (индейского мага). Его отец к нам пришел, я в поле была. Он меня просил, чтобы я

---

[51] Имеется ввиду хлопок.

помогла ему, но это далеко надо ехать, придется остаться на ночь. Я не согласилась, сказала: «Надо сначала курку словить, а потом голову рубить».

Случались и дикие происшествия: однажды трое парагвайцев схватили одну нашу девочку (около 9 лет) по дороге в школу, затащили в лес и изнасиловали (ее, бедную, потом зашивали). Мальчишки, которые шли в школу, видели, как ее схватили, они прибежали в школу и рассказали. Наши мужчины окружили лес и одного из этих подростков-парагвайцев поймали. Раздели его, привязали к столбу в поселке. Потом передали полиции. Так он из тюрьмы через некоторое время сбежал. То есть, у нас не было уверенности в собственной безопасности.

В 1950 г. я вышла замуж за Сергея Приступу. Его отец от нас по соседству жил, он еще из православия перешел в евангелики, потому что его вторая жена была баптистка. Сергей меня три дня всего знал: я в Кармен вату возила, вернулась, а с хаты незнакомец выходит и говорит: «Я Приступа, сын Андрея». Спросил меня, хочу ли за него пойти. Я согласилась, хотя мой тато был против.

В 1950 г. мы переехали в Аргентину: Сергей и я с другими (всего пять человек было) нелегально перешли границу. Заплатили за это. Надо было рано в Посадосе оказаться, чтобы затеряться среди рабочих, которые идут на работу. В Посадос остановились у Костенко, который держал отель. А потом переехали к сестре в Буэнос-Айрес. Здесь я три года проработала ткачихой на фабрике. Потом пошла дочка в школу – бросила фабрику, занималась шитьем на дому. Шить у меня получается от природы: пошила себе платье, жена брата увидела и спрашивает: «Кто тебе пошил?» Я говорю: «Своими руками» – «А приходи ко мне, у меня машинка есть».

В общество мы ходили сначала то, которое было около пласа Сан-Мартин (белорусское общество). А потом, когда купили здесь дом, – то в клуб имени Белинского.[52] Мои дети выросли в доме и в клубе. Ночью ехать из клуба не на чем, тогда детей на руки – и домой через 25-30 кварталов. В клубе был хор, руководительницей которого была Сусанна Маркушевски. Пели там украинские, русские и белорусские песни («Бывайце здаровы, жывіце багата»).

г. Сан-Мартин (провинция Буэнос-Айрес). 25 августа 2010 г.

№ 8
Свибовичи Николай и Елена

<u>Елена (родилась 25. 05. 1935 г.)</u>: Наш отец Алексей Свибович (1913 г. рождения) и мама Текля Нагорна (1910 г. р.) были крестьянами и жили в деревне Бродница около Лунинца. Во время Первой мировой войны мама

[52] Культурно-спортивный клуб имени В. Белинского – основан просоветскими белорусами и украинцами в октябре 1951 г. в пригороде Буэнос-Айреса (г. Сан-Мартин). Насчитывал свыше 2 тыс. членов (в конце 1980-х 250 членов). В настоящее время действуют хорошо организованный молодежный танцевальный кружок, хоровой коллектив.

осталась одна, сиротой. Когда пришли немцы, то две бабы и два хлопца (наши, русские) избили одного немца, посадили его на коня и пустили. На другой день рано утром немцы окружили село. Жители кто мог, поутекали, а немцы вывели всех, кто остался, и спрашивают у избитого, кто это сделал. А те четверо уже убежали. И немец указал на моего дедушку (маминого отца) – он высокий был. И его избили прикладами так, что он там и умер.

Наш дед Герасим – папа отца – был на фронтах Первой мировой войне, не видел никого из своих родных все эти годы. Он понимал, что скоро снова будет война, и не хотел этого больше видеть. Поэтому сказал: «Выезжаем!» Но всех не мог забрать, потому что не мог хутор продать. Поэтому старший сын с женой и детьми остался: отец говорил, что в Америке обоснуемся, соберем деньги – тогда вас заберем. Но не успели так сделать, потому что закрыли иммиграцию. Брат Миша ушел на войну в польское войско, и погиб там (разнесло его).

<u>Николай (родился 21. 08. 1950 г.)</u>: Наши родители поженились еще в Броднице. Когда папа здесь умер, то мама должна была получить пенсию. И не имела документа – свидетельства о браке. Я ездил в 1992 г. в Лунинец, и мне там не дали такого свидетельства, сказали, что это делается только через консульство. А через год мама умерла, и уже не надо было это свидетельство.

Выехали из Польши (Гдыни) в 1937 г., а в Парагвай приехали в 1938 г. Тогда только закончилась война Боливии с Парагваем, поэтому мужчин-парагвайцев мало было – многих поубивали на войне. Они все в Паране остались – не имели чем биться. Приехали: дедушка Герасим, папа, его брат Николай. Хотели ехать до нашего дяди Гавриила уже жившего в Парагвае (он со мной ездил в Беларусь в 1992 г., уже умер). В Парагвае жили в колонии Сан-Хуан в 20 км от Энкарнасьона. Там работали на чакре, имели курей, свиньи, худобу[53]. Самое главное – выращивали пшеницу, маис, вату. Мама рассказывала, как первый раз приехали, то не имели дома. Когда строили дом, папа работал на чакре – лес валил, а мама с винтовкою глядела, охраняла от индейцев сальвахи. Отец с друзьями также рыбачили: ездили на Парану, как и дядя Коля и мой брат.

<u>Елена:</u> Несут рыбу: идут пешком, а хвост сзади тянется. Такая рыба!

<u>Николай:</u> Были там гадюки 3-4 метра. Укусит собаку, и через 5 минут та подохнет. Однажды мы с братьями зимою пошли собирать маниоку. Я, малыш, увидел маленькое отверстие, подумал, что там мышь живет. Подпалил и отбежал. А оттуда выползает змея – 3 метра! Пришел брат с товарищем, который хорошо с рогатки стрелял. И прямо змее в голову. Повесили ее и каждый раз, как шли на речку купаться, ее видно было.

Однажды батька услышал, что кто-то ломится в двери, хочет влесть. Открывает окно, а там медведь. Отец кинул в него топор, в плечи попал, и он убежал в лес. Другой раз: окончили косить, и там далеко осталось сено, что

---

[53] Худоба (укр.) – скот.

мы накосили. Малыши вечером там игрались, а на ночь батька пошел туда, чтобы не украли. Лег и чувствует, что кто-то за ногу тянет. Потянет, отпустит, а потом опять тянет. А это маленький «тигрэ», его там называли «Гато онсе». Ягуар, только маленький. Отец его стал бить, так тот вскочил на дерево и убежал.

Папа был специалистом по закалыванию свиней: он в Энкарнасьоне работал в фригорифико.[54] После кипяченой водой ошпаривал, чтобы тушу прочистить. Я ходил ему помогать. И у нас в деревне дома смолили часто, была камора, где все это делали. Голову свиньи сварим или испечем в печи. Если варим, то режем и холодец делаем. Из ножек или из головы холодец. И у отца была привычка: в воскресенье встанет рано. У нас была большая металлическая балейка, в которой раньше хранили одежду. Батька покладет дерево в балейку, разведет огонь, возьмет сало на палочку (как шашлыки) – и туда, хлеб печет. Мы все кушали.

Елена: Борщ делали, картошку, яичко печеное, холодник. Капуста тушеная и кислая – какую ты хочешь. В Парагвае, что не вкинь в землю, всё сразу растет. Картошку не садили – была маниока: похожа на картошку, но не есть картошка. Долгая, вкуснее. Она такая сытная, густая, к ней не надо хлеба: кусок сала и маниока – и пошел на поле пшеницу жать, работай и кушай.

Николай: В 5-6 часов утром вставал, нагрели молоко, трошки сала, немного маниоки – и за серп – пошли пшеницу резать. Раньше не было машины, так в 7 утра пшеницу резали. Самая главная культура у нас была пшеница. Климат хороший, но летом до 45 градусов доходит. И в это время работали люди, только рано в 6 часов на работу люди идут. Сомбреро обязательно оденут.

У наших родителей, как приехали в Парагвай, то были дети – Елена и Филипп. Все остальные родились в Парагвае: Иван (сейчас ему 70 лет), Миша, Павел (он с 1955 г.) и я. Филипп уже умер, и Миша – его машина сбила на дороге. Близко от нас, в той же деревне жил и дядя Гавриил, который женился в Парагвае на Гене (Евгении, она белоруска); у них Виктор и Михаил – два сына. У дяди Николая супруга (Ганька) – украинка, их двое дочек (Катя и Оля) сейчас живут на Украине в Днепропетровской области.

Елена: В Парагвае умер брат Степа (доктор далеко – в Энкарнасьон надо ехать), а один брат еще в Европе умер. Всего сем хлопцев, а дочь я одна.

Мама все время была слабая, в больнице, и младших братьев вынуждена я смотреть. В 9 лет уже должна была коров доить, хлеб печь. Отец ушел – и ушел. А я одна в лесу. А там «черные» едут, поют. Я свечку затушу и тихо сижу. Они ходят с мачете и рубят все растения на пути. И людей могут! Но с ними проблем не было, потому что они у нас работали. Отец им давал работу, помогал. Они такие люди, что не дбали, ничего не

[54] Frigorifico (исп.) – скотобойня-холодильник.

имели в хате. В Парагвае я ходила в школу два года. Я самая старшая, у мамы дитя за дитем – слабая она была. Поэтому я вынуждена была школу оставить, работала на чакре и дома.

Николай: «Черные» нам ничего не делали, больше зла делали эти украинцы-националисты.

Елена: Нас звали белорусами. Рядом с нами жили белорусы – например, Козакевич (он верующий был), но больше всего жило украинцев. А украинцы-националисты сговорились убивать всех наших коммунистов. Наши отцы часто были в тюрьме, из-за того, что их обвиняли в коммунизме. Мы с соседями-украинцами хорошо жили. Но националисты, как только поднималась волна преследований за коммунизм, указывали на нас, что мы коммунисты, и папу забирали в тюрьму. И чтобы его выпустили, мы должны были завести повозку дров (как взятку). И через два-три дня его выпускали. Эти, что его брали в тюрьму, работали на нашей чакре. Они были солдаты, а раньше работали у нас. И к отцу хорошо относились – не били, ничего. Украинцы указывали, эти забирали в тюрьму.

Дома мы говорили по-белорусски. Но кругом жили украинцы, и я с ними говорила по-украински, а дома – родители, дядя, дети – все говорили по-белорусски. Добавляли по-русски, немного по-украински – такой смешанный язык получался. Родители выучили испанский. Мой муж украинец, у нас двое детей – мальчик и девочка. Они уже большие, имеют детей. Мой брат, который в Монте-Гранде живет, тоже женат на украинке – по-украински говорят. А если я иду до тети Гени, которая сейчас слабая, то мы говорим по-белорусски. По-испански в семье не говорили – мама помнит слова, но не говорит. Когда я развелась со своим мужем, пришла к родителям, то мои маленькие дети говорили по-кастиже. Так моя мама им говорит: «Я не понимаю, что вы говорите? Говорите по-нашему!» Она понимала, но хотела, чтобы говорили по-белорусски. И так они научились говорить по-белорусски.

В Парагвае говорят на кастиже, как и в Аргентине. Но там есть еще и второй индейский язык – гуарани. Мало кто на нем говорит: только если с «черными» часто общается. Я понимаю, и Микола тоже понимает.

Николай: Во время войны в Парагвае существовала организация помощи. Но нам мешали украинцы: чтобы послать, надо было это делать украдкой. Ночью собирались, переплывали Парану и в Аргентине передавали помощь. А из Аргентины переправляли в Уругвай. Там хлопцы делали и паспорта для нас, там консульство давало советским гражданам.

Парагвайцы нас называли «поляко», потому что мы приехали из Польши. Также как и в Аргентине, когда мы приехали, все, кто белые – это «поляко». Не знают ни украинцев, ни белорусов – все «поляко» для местных.

Елена: В Парагвае были и русские – это белогвардейцы, которые в городах жили. Генерал Беляев.[55] Когда Парагвай воевал, эти генералы помогали. А были еще и казаки, которых в XVIII в. царица Катерина выгнала: они занимались сельским хозяйством, но их мало. Мой новьо[56] был казак – Белобородов.

Николай: Белогвардейцев было много: сошлись они с украинцами против наших людей. Много над нашим народом издевались. Эти русские белогвардейцы работали для Парагвая в правительстве, войсках. Они показывали на наших людей, говорили, что коммунист, и их убивали. Поэтому наши люди, кто мог, убегали в Аргентину: в Чако, в Мисьонес. Ночью перевозили их лодкой около Энкарнасьона: наш дядя Николай, что уехал в Европу, помогал перевозить людей. Он был помощником полиции, и поэтому могли утекать. Дядя и дедушка приехали в Буэнос-Айрес возвращаться на родину, они нас ждали здесь. А мы были в Энкарнасьоне, не могли продать свое хозяйство: одна еврейка знала, что мы должны выезжать, и поэтому не хотела быстро отдавать.

Елена: В Буэнос-Айрес семья приехала в 1957 г., а я с братом Иваном раньше – в 1956 г. А старший Филипп еще раньше с дядей приехал. Мы в 3 часа утра реку Парану переплывали нелегально, контрабандой. Мы все так приехали. А сколько людей потопили в Паране! Хозяева лодок знали, что есть деньги у тех, кого перевозили, забирали всё – а их в воду.

Николай: Дядя Гавриил и его дети остались в Буэнос-Айресе, не поехали в СССР. Переехал в СССР дедушка Герасим и дядя Коля (меньший) с семьей. А мой отец хотел ехать с дедушкой (он с ним был очень дружен). Но не поехал, говорил: «Там в Европе часто бывает война. Не хочу». Так и остались здесь. В Буэнос-Айресе мы жили в квартире, а дядя уже имел дом – близко отсюда. Он нам помог, мы купили маленький дом и постепенно построились. Первые дни были проблемы: соседи, «чернота» как говорят, на хату кидали камни и кричали: «Поляко!» А после познакомились, в футбол вместе играли, нормально все стало – это только первые дни ненормально. И работа тогда в Буэнос-Айресе была. Дядя Гавриил работал на фабрике у одного еврея, где делали деревянные плафоны для телевизоров, на радио. Взял туда работать папу, всех моих братьев. Этот еврей много помогал нашим людям.

Я, как приехали (где-то в июле-августе), сразу пошел в школу. В первый класс я год ходил еще в Енкарнасьоне: нас было много национальностей (украинцы, белорусы – смешанные), и мы говорили по-кастельжане.[57] С языком тут проблем не было: в Парагвае мы же говорили по-кастельжане, только диалекты другие. Учительница меня не звала по

---

[55] Беляев И. Т. (1875 – 1957) – русский генерал, участник Гражданской войны в России на стороне Белых. С 1924 г. в Парагвае, где занимал ответственные государственные посты, боролся за права индейцев. Был инициатором переселение русских белоэмигрантов в Парагвай.

[56] Novio (исп.) – жених; парень, с которым встречается девушка.

[57] Имеется ввиду аргентинский вариант испанского языка (castellano).

фамилии, а говорила просто «Николай», потому что ей трудно было произносить «Свибович»: «Николай, иди рассказывай!» Я закончил школу, и как лучший ученик на праздники выносил флаг.

Почему дедушка и бабушка поехали на родину? У них в Беларуси остались две дочки (они были семейные). Хотели умереть на своей родине, говорили: «Мы хотим посмотреть на наших детей, и хотим наши кости положить на нашей земле». И дядя Николай всегда хотел выехать в Белоруссию, он активист был в комитете – в организации работал. Они были коммунистами. В Парагвае трудно им было: украинцы нас продали, убивали людей, если были в партии.

Между белорусами и украинцами есть разница. Но было много украинцев, которые шли не за украинцами (националистами), а за наш народ. Есть украинцы, которые не против белорусов и русских (России). А националисты против России и против Белоруссии. Когда немцы шли на Украину, они им помогали.[58] И в Аргентине они против нас: тех наших людей, которые были в коммунистах, они продавали. Каждый раз – здесь и в Парагвае. В Парагвае все наши люди поуезжали кто куда – на родину, в Аргентину, или даже в Бразилию (туда раньше была эмиграция как в Парагвай).

В Парагвае, когда приезжали из Аргентины, где-нибудь за городом делали собрание, чтобы никто не знал. Паспорта эти русские[59] получали украдкой, чтобы никто ничего не знал. Если деньги с карточки снимали, то украинцы спрашивали: «Зачем с карточки снимаете?» «А так, посылаем в Европу для своих». Из-за того, что украинцы-националисты нас продали, мы переезжали контрабандой – правильно нас не выпускали, не давали документов.

Когда приехали в Буэнос-Айрес, мой двоюродный брат Витя уже танцевал в наших клубах. И меня он завел в клуб имени Островского, когда имел 6-7 лет. Был в хоре, танцы, играл в баскетбол. В клубах собирались наши люди, строили культуру. Блюда делали. Одежда такая, что в Европе руками вышивали, полотно.

Тут же люди со всего света: итальянцы, испанцы, литовцы, югославы. В районе Альсина, где клуб «Горького», было много нашей первой эмиграции. Белорусов там было много. Если приезжали и искали квартиру, то ехали туда к знакомым, которые помогали. А позже, уже ехали сюда, на Каракас: отсюда близко к столице (Капиталь). Где сейчас клуб «Днипро»[60],

---

[58] Вероятно, имеется ввиду то, что руководители украинской националистической организации в Аргентине («Відродження») в 1941 г. послали Гитлеру поздравительную телеграмму в связи с захватом нацистами Киева. Организации «Відродження» и «Просвіта» крайне отрицательно относились к СССР и коммунистической идеологии.

[59] Имеются ввиду советские паспорта.

[60] Клуб «Днипро» – основан на базе общества имени А. Толстого в апреле 1969 г. в пригороде Буэнос-Айреса (г. Лавальоль). Насчитывал в конце 1980-х гг. около 200 членов. Действовали кружок по изучению русского языка, танцевальные группы и хор. В настоящее время действует Белорусский культурный центр

там раньше был пустырь. И люди там постепенно стали строить дома, а теперь это большой город.

Елена: Как поехали дед и дядя Коля в Советский Союз, то писали, что всё хорошо, потому что нельзя было писать, что плохо – тогда карточки не доходили. Карточки проверялись. Писали иносказательно: «Мы так хорошо живем, как сосед жил». Трудно сразу им было, трудно. Но тем, кто отсюда приехал, им давали квартиры. А кто в СССР жил, то они жили по подвалам. Поэтому отношение к нашим людям со стороны местных было не нормальным: «Мы войну пережили, голод. А вы приехали и всё имеете». Дедушка и бабушка поехали в город Синельников, под Днепропетровском. Их послали туда, и для них главное было, что это Советский Союз. Там они и похоронены. Из тех, кто поехал, вернулись те, у кого в Аргентине дети родились, а те, кто в Парагвае – не вернулись. Документы сразу позабирали. А вот Никита, который поехал в Россию, вернулся: он тут женился, здесь его дети рождены, имел документы.

Николай: Работа у них там была – с этим нормально. Там не такая как здесь привычка. Они хотели жить лучше, а в 1950-х гг. было трудно там. Но те, кто остался, им нравилось. Только после того, как началась перестройка, стало трудно: нет работы, есть деньги – нечего купить. Это на Украине так.

В «Островского» есть один день, когда мы делаем праздник – «День Парагвая». Есть наши люди, которые жили в Парагвае, мы собираемся в клубе: варим капусту в воскресенье. Вареники (с картошкой, с мясом, с сыром, с вишней). Пирожки с сыра. Я с теплотой вспоминаю Парагвай: мы там родились, выросли. Работа была трудная, но солидарная. Например, пришла большая туча, у нас крышу сбило. Все соседи собираются и помогают все поставить на место. И у соседей то же самое. Приехали все с Европы в пустыню, нигде никого нет, только кое-где «черные» ходят. Тогда украинец, или поляк, или литовец – все собираются: кого-то сватают, вечеринки, танцы – там все одинаковы были. Потом уже, когда приехали белогвардейцы, другие – тогда уже трудно было. Белорусы вместе с украинцами, с поляками – нет. Русских ведь не видно было. Только те белогвардейцы, что раньше приехали, но они жили в центре, в городах.

Дедушка с бабушкой, родители верили в Бога, ходили по праздникам в церковь. По воскресеньям не ходили. Они православные, но не фанатики. Отмечали в семье праздники, а в церкви собирались только по большим праздникам: Коляда, Новый год, Пасха, Троица. Другие люди – Козакевичи – они были верующие, баптисты. Но таких немного было.

Елена: А соседка – она полячка, а он украинец, – так она праздновала и украинские, и польские праздники. Православная церковь была в Энкарнасьоне, то наша церковь, русская. По праздникам туда ходили. А в деревне – там украинский клуб, туда звали попа, и на Пасху, например, туда

«Кастусь Калиновский» (открыт по инициативе Э. Пенниси 2 апреля 2010 г.), белорусский фольклорный ансамбль «Белавеж»

ходили. Кляровский в нашей церкви поп. Туда сходились все русские: иногда в карты играть, когда некуда идти, а в воскресенье там всегда исповедь. Хор там был. На Пасху пасхи святили. Детей крестили. Тут у нас есть наша церковь русская, а у украинцев есть две церкви – ортодокса[61] и католика. В Лавальоле есть церковь украинская ортодокса.

Николай: В Парагвае украинцы, что за нас, были ортодокса, а католики – те, которые против нас.

Беларусь для меня – это имя святое. Моя душа там, в Беларуси. С моей матерью у меня были очень хорошие отношения. Мне рассказывала, как жили. Это как мы жили в Парагвае, похоже на то, как мы жили в Беларуси. А для меня жизнь в Парагвае – это лучшая жизнь была. Там на чакрах всё натуральное, люди солидарные. И я думал, что также было и в Беларуси. В 1992 г. я был на Украине – там земля черная, хорошая. А в Белоруссии мне понравились люди, улицы, деревни. Это земля, что песок, и всё зеленое растет. Бульба растет. Как едешь по трассе, то кругом деревья – хорошее всё. Много не видел, но мне понравилась Беларусь. Я был в России, Украине и Беларуси. Белорусы – это другие люди. И в клубе Островского пою украинские и русские песни. Наш руководитель хора не очень хочет белорусские. Я вхожу в «Беловеж»[62], которое устроил Эдуардо Пенниси, я и там пою. Это аж песни другие. Петр Гуринович гармонист, а Пенниси – директор. Жаль, что дети не интересуются. Конечно, немного отцы виноваты, но… Сейчас есть компьютеры, Интернет – это голову морочит, и дети пропали. Только что танцуют – это да, дети собираются.

г. Лянус (провинция Буэнос-Айрес). 5 августа 2010 г.

№ 9
Лабаноўская Ніна

Нарадзілася я 15. 11. 1944 г. у Парагваі ў Сан-Борхэ, што недалёка ад Кармэн дэ Парана. Мае бацькі – тата Антоні Лабаноўскі (1920 г. нараджэння) і маці Лена Калоша (1913 г. нараджэння) – гэта беларускія сяляне з вёскі Пескавічы на Беларусі. У іх не было зямлі, былі бедныя, і ў той час іх хтось падмануў: казалі, што ў Парагваі багата зямлі, сапраўдны рай. І ў 1938 г. яны паехалі, і везлі ў Парагвай маленькую дачку. У Парагваі тады ўжо жылі беларусы, украінцы. Бацькі расказвалі, што калі заехалі, то хацелі напіцца вады, а ўкраінцы за гэта прасілі грошы. У Сан-Борхэ былі і беларусы, напрыклад, Малафей (2 сям'і). Калі заехалі і ўбачылі ўсё, то мама плакала дужа.

Першы час бацькі арандавалі зямлю, дзе сеялі пшаніцу, маіс, вату. Рабілі дзень і ноч, спалі ў гальпоне. Потым пераехалі да эмігранта па прозвішчу Гічук, дзе пасеялі добра. Там жылі два гады. А пасля выйшла файна: сабралі ураджай, і купілі гаспадарку, дзе жылі раней (якісь Раман

[61] Ortodoxo (исп.) – православный.
[62] «Белавеж» – название хора в клубе «Днипро».

прадаў). Вата тут радзіла не вельмі добра, можа падманулі, калі прадавалі. Хата была ў нас з дрэва – як на Беларусі. Печка руская. Зрабілі так, як у Расіі.

Нас сямёра ў сям'і: 4 дачок і 3 сына, працавалі. Бацькі казалі: "Работа цябе не заб'е". Мы ня мелі малацілкі, дапамагалі суседзям, і нам дапамагалі – нашы людзі друг другу дапамагалі.

Бацькі дрэнна ведалі іспанскую мову, і ў Парагваі нас звалі "грынга", "паляка". Але мама і тата беларусы. Тата казаў, што палякі забралі землі Беларусі, і палякі з імі дрэнна сябе паводзілі. У сям'і размаўлялі па-беларуску. Калі мама трапіла ў шпіталь, то нават да доктара звярталася па-беларуску. Бацькі былі рэлігійныя праваслаўныя людзі. Я амаль кожную нядзелю з мамай хадзіла ў царкву. Яна ўсё жыццё праходзіла ў хустцы, прывыкла.

Багата людзей хацелі паехаць на Радзіму, а я сказала: "Тату, я не хочу з'яжжаць". Сястра Марыя, што старэйшая за мяне на 5 год, вышла замуж за Якава Губчыка – і яны хацелі паехаць. Губчык спачатку прыехаў з Парагваю ў Буэнас-Айрэс, потым вярнуўся і пабраўся з маёй сястрой. Потым з Буэнас-Айрэса яны паехалі ў СССР: жылі ў Нікалаеве на Украіне. Там ім далі добрую работу на мэблевай фабрыцы, кватэру, што было лепш за тых, хто там увесь час жыў. Мясцовыя казалі: "Чаму гэтым мерыканцам далі?" Але яны хацелі мець сваю хату, машыну, а такога там нельга было. Наша сям'я пераехала ў Буэнас-Айрэс: мы хацелі пераехаць таксама ў СССР, але сястра не дала вызава. Так у Савецкі Саюз і не паехалі. Тата браў найгоршую работу, заслаб на сэрца і памёр праз некалькі год (51 год меў).

Мы пераехалі ў Аргенціну кантрабандай: я ў 1960 г., а бацькі ў 1961 г. Для мяне гэта пераезд стаў цяжкім выпрабаваннем. Было мне 15 год, узяла пасведчанне аб нараджэнні толькі – не далі афіцыйнага дазволу на пераезд. Тата дамовіўся з сябрамі, што мяне перавязуць. Пакінуў мяне адну (мне і 16 год не было!) Спачатку я з хлопцам (сынам знаёмага бацькі) увечар ехалі цягніком, сышлі, і пайшлі хутка – там кусты, сцежка вузкая – да тых, хто перавозіць. Свіст пачулі – значыць нас чакаюць. Гляджу: ідуць скрозь чэрэд два здаровыя парагвайцы. У лодку селі я, хлопец і адзін парагваец. Спачатку прыплылі да хаты, дзе былі адны парагвайцы. Думала, што мяне заб'юць. Маглі і згвалціць. Я слышала напярэдадні, як бацька хлопца, які мяне вёз, казаў яму: "Глядзі не зачапі яе! Заб'ю! Бо гэта ж дачка Лабаноўскага!" Я ззаду ўсіх ішла, бо баялася. Хлопец двойчы па дарозе да мяне прыставаў, але я казала, што буду крычаць – і ён адстаў. Я ведала, што са мной Бог, ён мяне абараніў.

Парану пераяжжалі доўга, каб не прыкмеціла паліцыя. Я стамілася; калі пераходзіла адну рачулку, то параніла ногі. Ужо дзень настае, вышлі мы з хлопцам (парагвайцы засталіся) на дарогу і пайшлі да нашых людзей, да якіх ён усіх перавозіў. Адвялі мне ложак, а ногі разбітыя, хлопец гаспадароў зверху на ложку (я да такога не прывычная). Плачу ціхенька. Гаспадыня пытае: "Што ты хочаш?" А я: "Хачу да сястры ці назад у Парагвай". Увечары

паехала ў Буэнас-Айрэс з мужчынай, з якім працавалі разам у Парагваі. Мяне сустрэлі на вакзале Рэціра. Сястра, калі мяне ўбачыла, то закрычала: так я ногі парэзала.

У Буэнас-Айрэсе спачатку мяне прывезлі да яўрэяў, дзе я ім чысціла, работала. Але я не прывычная да такога, каб мне камандавалі. А шостай раніцы мяне будзілі, удзень не давалі магчымасці адпачываць. У дванаццаць ночы вяртаўся дамоў гаспадар, і я як сабачка павінна была за ім хадзіць, падаваць, як ён вячэрае. З імі разам не можна было есці, а мне давалі рыбны суп, які не выношу. Мый, прасуй ім. Мелі яны аж тры туалета! Такая замучаная стала, нават хацела збегчы ў Парагвай. Калі прыехала да мяне сястра Ірэна, то сказала ёй: “Хочу вярнуцца, не можна мне тут”. І сястра мяне забрала.

Мяне ўзялі “нашы” – дапамагала ім на кухні. І повар, што варыў там, глядзеў, каб да мяне не прыставалі.

Потым 5 год работала на абутковай фабрыцы – у іншае месца не магла пайсці, бо не было дакументаў.

У Парагваі я адвучылася 3 класы, а тут школу скончыла. Маю дыплом.

У 22 гады выйшла замуж. Калі раней размаўлялі з мамай, то яна не хацела, каб пабралася з аргенцінцам: “Не пойдзеш за чарняка”. Адказвала: “Захочу негра – і пайду!” Мой муж напалову іспанец, напалову літовец. Маю дзвух дачок (яны ня ведаюць беларускай мовы). З мужам будавалі свой дом, і не дабудавалі – ён памёр. Пасля я пабралася з Аркадзікам Шоцкім (ён таксама ўжо памёр), з якім была знаёма яшчэ ў маладосці па клубу “Горкі”. У “Горкі” я пайшла праз тыдзень, як прыехала ў Буэнас-Айрэс. Там было шмат людзей: усе ад’язджалі на Радзіму. Мы там ладзілі святы, напрыклад, я аднойчы дапамагала ладзіць Новы год.

Маі карані тут, у Аргенціне, але маі карані і ў Беларусі. Я жыву тут, але не забываю пра Беларусь. Толькі шкада, што дзеці і ўнукі не жадаюць ведаць пра Беларусь…

г. Лавальоль (провинция Буэнос-Айрес). 24 августа 2010 г.

№ 10
Снарский Петр

Мой отец, Яков Снарский, в 1927 г. выехал в Аргентину из пинских болот (село Васьки). Причиной выезда было то, что отец боялся войны. С моей мамой, Еленой Антипюк Снарски, они имели двух сынов – старший Пармен и я (родился в Обера 7. 08. 1932 г.), и дочь Надю, которая родилась еще в Беларуси. Аргентинцы называли нас «поляко», а дома мы говорили на своем мешанном языке.

Жили в Обера[63]: нам поначалу дали чакру, где мы садили джербу, чай и другое. В 1947 г. продали свои две чакры, сестра и брат первыми уехали в

[63] Вероятно, в Обера жила не одна семья Снарских, поскольку в «Белорусском иллюстрированном календаре на 1942 г.» среди членов правления отделения «Народного общества «Культура»» указан Евгений Снарский.

Буэнос-Айрес. Там мы купили дом у Суверия Аскалада, который сдавал зал для общества «Леси Украинки»[64]. Отец устроился на работу – сторожил гаражи. С нашими друзьями по 5-6 человек собирались дома на «читанку»: изучали русский язык, литературу про родину (на русском языке). После все «читанки» пришли и строили клуб.

Наш отец был убежденный коммунист, пел в хоре, патриот. А то время коммунизм в Аргентине государство запрещало. Отец говорил: «Хочу на родину!» Но тогда пускали только на целинные земли, а иначе советскую визу не давали. Родители говорили: «После Казахстана поедем на родину». Они же там родились. Моя сестра с нами не поехала, поскольку ее муж (он тоже наш русский) не захотел.

В 1955 г. сначала мы плыли на французском пароходе в Европу, а потом ехали поездом по маршруту Чоп-Москва-Акмолинск. В Казахстане, в Акмолинске нашей семье не понравилось: у нас раньше в Аргентине было всё, а там пустыня. Город не понравился, нас никто не встретил (мы наняли комнату, чтобы переночевать). Я стал работать токарем, но чтобы как-то жить мы вынуждены были продавать личные вещи. Отец и брат решили уехать в Одессу – поехали, там сняли квартиру на Чубаевке. Я приехал к ним, работал токарем, стал учить детей играть на аккордеоне. Отец работал на пилораме, а брат на канатном заводе. Брат жил с сыном (жена тут умерла) на третьем этаже дома – одна комната с чуланом, а уборная во дворе.

В Одессу приезжали из Аргентины наши люди, и мы старались им помочь. Я знал семьи, детей которых учил играть на аккордеоне, и старался устроить приехавших на квартиру. У нас сложилась постоянная компания – 18 человек, из которых только пара местных русских, а остальные аргентинцы. Я научился там водку пить. Слушали аргентинскую музыку, устраивали шашлыки; патефон был, танцевали. Жизнь в Аргентине тогда на 80 % была лучше, чем в Советском Союзе. В Аргентине мы имели дома, у нас была легковая машина, клубы. Многое мы продали, чтобы помочь тем, кто не мог собрать денег на билет до СССР. В Одессе я женился на такой же аргентинке Нине Галушке, и у нас родилась дочь Елена.

Очень хотели вернуться назад, и поэтому ездили по 2-3 человека в Москву в посольство Аргентины. Но власти этому препятствовали: меня два раза сняли с поезда, один раз сняли с самолета. Когда был однажды в посольстве, то на выходе меня забрали в милицию, где бранили: «Вы же русский человек!» Им отвечал, что я аргентинец: они хотят жить на родине, и я хочу вернуться на родину. Кстати, я сохранил аргентинский документ, хотя в Чопе требовали его сдать.

В 1964 г. с женой и дочерью (ей было 5 лет) приехали в Аргентину. Моя сестра приняла всех троих. На второй день я пошел работать токарем, и никаких предубеждений ко мне со стороны аргентинцев не испытывал. Через

---

[64] Общество имени Леси Украинки действовало в 1950-е гг. (создано просоветскими иммигрантами, в основном, украинцами).

два года стал посещать клуб «Белинского» – раньше время не позволяло. В клубе относились ко мне тоже нормально. Отец и брат в Аргентину не вернулись, и я к ним приезжал два раза в гости. Помню, когда в 1978 г. приехал, то в материальном плане жизнь стала у них намного лучше, чем раньше.

г. Сан-Мартин (провинция Буэнос-Айрес). 22 августа 2010 г.

№ 11
Шевчук Михаил

Родился я в 1927 г. на Волыни, когда Западная Украина находилась под властью Польши. Наша деревня называлась Згульня, а когда мы возвратились в 1956 г. – ее уже переименовали в Грушевку (потому что там много груши-дички). Это был Степаньский район (теперь Сарненский) – Полесье, красота, конечно. Природа, леса, земля, речка Горинь – она длинная, и Беларусь захватывает. Земля местами урожайная, местами нет, но бульба (картошка) хорошая растет.

Мы жили очень бедно. Поскольку там леса, отец работал лесорубом. Тогда это называли «метры» – рубили метры на дрова, что-то такое. Везде же была система капиталистическая. Мои родители – Федор Андреевич и Феодосия Андреевна – были абсолютно неграмотные, даже не умели расписываться.

В те времена между Аргентиной и Польшей был подписан договор: Аргентина нуждалась в крестьянах, населении, которое бы занималось сельским хозяйством. И нас прямо завербовали в Чако (северная область Аргентины). У нас в деревне был земельный участочек, «нивка», где чуть лучше земля. Наверняка не знаю (мне было тогда 2,5 года), но наверно, продали ее, потому что надо были деньги на билет. Наша тетка (была уже замужем, имела троих детей) выехала немного раньше: она уже была в Чако, когда мы прибыли. У нас большая семья была – остались тетки, дядьки. А у наших родителей было трое детей: я, меньшая сестра (ей было 6 месяцев, когда мы приехали в 1930 г.) и старший Степан (5 лет).

Наше Чако тогда еще была не провинцией, а «губернасьон».[65] Мы жили у помещика, арендовали землю. Тогда человек занимал такой участок земли, какой мог обработать своими силами – занимает и огораживает колючей проволокой. Занимали участки в 10 га, может 20, 30, 50. И 100 га занимали! Если сможешь освоить. Мог и нанимать на работу людей, но тогда за их работу надо платить – а как нанимать, если сам ничего не имеешь.

Когда приехали, то тетка имела на поле хлопок, который доходил уже до урожая. Мы поработали немного у тетки для первого случая. Когда все собрали этот урожай, то узнали, что сосед тетки, югослав, бросает свой участок. Это не была его собственность, а арендованное. А когда на

---

[65] Статус самоуправляемой провинции Чако получило в 1951 г.

арендованной земле ты бросаешь и уезжаешь, так всегда найдется клиент, чтобы купить построенное имущество. Он же продает то, что построил на земле (но земля помещичья). Отец смог зацепиться, заплатил за холобуду, которая там была. А югослав перебрался в другое место, недалеко оттуда, – там земля была государственная.

В том районе было так: местами была государственная земля, а местами помещичья. Участки как бы разбросанные – не знаю почему так. У каждого помещика минимум 10 тыс. га, и государственное – тоже тысячи. Кто попадал на государственную землю, он там сидел бесплатно. А на помещичьей за аренду земли надо платить. На государственной земле, кто поселился, тот платит налоги. Знакомые жили там. И если ты желал эту землю выкупить, то зарегистрировался по закону на участке, и ты уже платишь определенную сумму в год, и земля на тебя оформляется. Это выгодно, но об этом нужно знать. А если кто неграмотный, то узнать можно только по разговорам.

У первого помещика, где тетка жила, были и другие люди из нашего Степаньского района: группа людей почти односельчан. Сосед от соседа живут на расстоянии 1 км, 500 м, 300 м может быть и 2 км (в зависимости от того, сколько земли занял). Это не деревня, а что-то на подобии хуторов. Хозяйство, земля называется «чакра», хозяин чакры – «чакареро». А то, что мы выкупили у югослава, здесь называется «мэхора» – это то, что он сделал: загородь, холобуда деревянная (там еще такие кровопийцы-винчуки заводились). Это кровопивцы распространены в жарких странах, на деревянной стене незаметны (а крыша бывала земляная и деревянная). Ночью, когда ты спишь, винчука прилетает, садится и сосет кровь. А комаров в Чако – тьма. Когда дождливое лето – идешь, а за тобой сзади их рой. Ты остановился – он тебя обхватил. Есть «дэньге», который если укусит, то будет большая болезнь. Работа в тех условиях – это адский труд. Мать, когда мы заехали, говорила: «Пекло». Она сразу плачет и на отца: куда ты нас привез? Здесь комары, здесь жара. Спать нельзя! Есть еще насекомое такое, как порох – не видишь, а оно сидит и печет. «Польворин» называется.

В зоне Чако, Формоса существуют постоянные климатические угрозы. Там равнина, которая имеет небольшой уклон с северо-запада на юго-восток. Если идет дождь, то случается наводнение, которое топит всё. А бывает и засуха, тогда ждешь дождя. Там сейчас растет всё – и пшеница, и кукуруза, и подсолнух… А когда мы жили до 1956 г., это была зона исключительно выращивания хлопка. «Монокультиво» по-испански. А если сеешь хлопок, то надо влага, чтобы семена (они такие мохнатые) могли схватиться, лучше соединиться с землей. В засуху сеять нельзя, а только когда пройдет дождь минимум хотя бы 20-30 миллиметров дождя. Тогда уже можно посеять. Потом опять нужен дождик.

Сначала, когда мы только прибыли, как мы сеяли! Однорядная седалка, не у каждого она была. Кто-то мог купить, но вот дождь пошел, тогда

быстрей стараются посеять. А то жара! Ветер! Выдувает всю эту влагу. Если дождя не будет неделю-две или месяц, тогда хлопку плохо. Но хлопок он очень терпеливый, его называют по-русски «дитя солнца». Он когда подрастет, нет дождя, жарища, ветер, 40 градусов в тени (и 45 достигает в тени). Хлопок так уши повесил (листья эти). Вечерок подходит, он уже листья приподнимает, а ночью – уже как и должен быть. Не смотря на засуху! Хлопок растет, а потом начинает цвести. Потом получаются коробочки. И он на том же растении («планта» тут называют), он цветет и развивается, аж покуда мороз придет. Там бывают в первых днях мая заморозки, а хлопок этого боится: морозик небольшой, даже незаметный – он уже страдает. Первые сорта были – растет большущая, на нашем хозяйстве триста коробочек. Сорта – кусты прямо. Урожай очень хороший. Гектарами считали. До 3 тон. «Чакеньо» сорт. Он хороший сорт на семена для масла (хлопковое масло есть – его смешивают с подсолнечным в пропорции два к одному. Такое было, сейчас не нахожу). Крупные семена были у него, много урожаев давал один куст. Когда стало невыгодно, видать, надо волокнисто – стали добиваться волокна лучшего качества. Наука же не останавливается никогда. Начали находить сорта – «дельта пина», «дельта каторсе» и другие.

В районе, где мы поселились, помещики были французы, которые когда-то были вместе в одной компании (было у них 20 тыс. га). Потом они разделились, стало по 10 тыс. га каждому. К другому помещику перебраться трудно было – хозяин, который у тебя был, не разрешал переезжать, хотел, чтобы на него работали. Это ж доход. Но уже слухи пошли, что один наш «пайсано» (земляк) переехал, другой. И говорят: «Там хозяин лучше». Он тоже помещик, но надо бы туда переехать. И чтобы прежний хозяин не увидел, мы ночью от него съехали. Стали жить в 12 км от Вижа Анхеля – сын Леня там родился. Сейчас Вижа Анхеля настоящий город, по населению третий в Чако.

Новый хозяин по-другому действовал, помогал своим. Условия те же самые – занимай земли, сколько хочешь, скота держи, сколько хочешь. За то, что ты не обрабатываешь, не платишь; скот чакареро мог пастись на земле помещика. Нажили на помещичьей земле 100 штук крупного рогатого скота! И только за обрабатываемую землю платили ему проценты. Скот продавали, кому хотели: по соседству, или в километрах двух-трех (тому, кто занимается – режет). Скот – быки; было 15 дойных коров. Свиней 15-20 штук постоянно. Уже когда мы уезжали, было 45 собственных лошадей.

Помещик помогал еще и так: имел «карнесерию» (мясную лавку), где мясо продают. Он покупал даже у своих арендаторов скот на мясо, резал у себя на станции (станция – имение), и два раза в неделю развозил мясо своим арендаторам! И в то время он имел трактор – первые трактора колесные такие были. Так он пахал свою землю, и если платишь, то он мог вспахать и твою землю. Вот разница между помещиками! А тот первый шкуру драл! Хозяин перед смертью (он уже чувствовал, что долго не будет), где-то в

1947-48 гг. померил на участки землю, так, чтобы людям не нужно было переезжать. И на очень выгодных условиях продал. Так в конце отец купил 200 га земли. А ничего ж в начале не было… И зять у помещика был директор школы. Хорошие люди были!

Мой брат Степан женился на белоруске. Его тесть, Павел Ведерчик, приехал из Беларуси, привез девять детей – хороший дядька, интересный. Он был когда-то кондуктором в поезде, ездил до Уфы, Читы. Был грамотным. Он как раз попал в Чако на государственную землю. Ему повезло. А потом подросли дети, все работали на земле. Он затем переехал, купил в другом месте землю, и разжился хорошо. Один из первых имел грузовую машину – «шевроле».

А национальности тут – итальянцы, венгерцы, поляки, югославы, испанцы – вся Европа! Дружба была, вместе школу строили. Если бы не иммигранты, так местные жители до сих пор бы жили по лесам как дикари. Климат такой, что можно под кустом целый год прожить. Некоторые местные и сейчас так живут. Это беззаботный народ. Мы их нанимали на уборку урожая хлопка по 30-40 человек. В зависимости от веса, который собрал, записываешь, его и продуктами снабжаешь. Это ж свой магазинчик должен иметь дома, поскольку не будешь иметь, не будет кому у тебя работать. Конфликтов с местными не было: народ такой спокойный, они привыкли молиться, им это душу облегчает.

Местные были католики, но религий в Аргентине очень много. В Чако были и православные, и сектанты... Кто куда ходит – туда и ходит. К слову, в Степани было аж три церкви.

Нас в Чако называли «поляко», «украинец» – редко когда. Местные нас называли «грингос». Это уже не литературное, ругательное слово – как унижение. А мы их называли «черные». Мы польские граждане, не приняли аргентинское гражданство. Я и сейчас считаю, что это лишнее. Мне неплохо и так. В 1939 г. когда присоединили к СССР Западную Украину, для нас это было радостное событие. Гитлер же захватил Польшу, и тогда Россия не дала Западную Украину. После войны мы стали советскими гражданами. В Чако приезжал консул, передали нам паспорта, прямо на руки давали. Когда развалили Советский Союз, уже самостийная Украина открыла здесь посольство. Сейчас я украинский гражданин. Ездил несколько раз на родину к брату и сестре.

22 июня 1941 г. когда началась Отечественная война, мы еще арендаторами были, и было много белорусов: из Гродненщины, Пинщины, из-под Лунинца был один (Леонтий). Они были холостяки – некоторые на родине жен оставили, некоторые приехали молодыми хлопцами. Они у нас работали, мы их нанимали. А в Чако много немцев. Когда Гитлер шел семимильными шагами, они шумели. У нас был сосед немец – Хуан Пишлер. По соседству у нас были хорошие отношения. И он говорил моему отцу, когда немцы шли на Москву: «Дон Теодоро! Здесь уже не надо работать

столько. Скоро поедем не Украину! Там земля плодородная! Там работать будем!» Гитлер же сказал, что будет Тысячелетний рейх! Такие у них планы были, а немцы в Аргентине – пятая колонна.

А мы – украинцы и белорусы, русские – вместе были. Но русских настоящих там мало было. И сейчас очень мало. Белорусский язык и украинские языки близки. Но украинцы – особенный народ. Были и те, кто не симпатизировал Советскому Союзу (у них свои организации). А вот из белорусов я не знал, чтобы кто-то был против. В самом деле, сколько ни знал – не было предателей. Когда началась война, стали создавать комитеты помощи Родине. И кто чем мог, помогал. Комитет издавал «бонос» (по-испански) на 10 или на 100 песо – кто сколько мог, жертвовали. Женские секции были, ну и мужчины. Женщины вязали кофты, и отправляли помощь на родину. Те, кто был за наших, приходили к нам после работы. И мы сидели до 12 часов, до 1 часа ночи, ждали по радио «Голос Родины» (тогда был знаменитый диктор Левитан): «Внимание, говорит Москва. Передаем последние известия. Гитлеровские полчища или там «варвары», заняли город такой-то, бомбили город такой-такой». Оттуда узнали, когда Паулюса схватили. Каждую ночь слушали (хорошо слышно было), по-русски передавали.

60-70 лет тому назад большинство народа было неграмотными, сейчас есть грамотность, но не вижу, чтобы она была более полезная. Народ тупеет… Мы все братья и сестры ходили за 7 км в школу. Ходили пешком. Туда и обратно – 14 км. Еще на поле работать полдня. В те времена кто закончил 6 классов, это как и теперь среднее образование. Но скажи теперешним решить задачу – не сделают. Я кончил 4 класса начальной школы и мог всю географию Аргентины на память нарисовать и начертить область в область. Брат Степан закончил 6 классов, хотел дальше учиться, но ситуация не позволяла.

Школы у нас были только на испанском языке – испанский язык знали, конечно. А когда война началась, то пошла агитация за Советский Союз, меня все это интересовало. А у меня украинский язык ломанный, сельский. Отец и мать в Чако делали свадьбы по старой традиции, как на Украине – спевки, припевки: «Теперь я широка, теперь я высока, то я рано встала, то я зятя достала». Русский язык я знал меньше всего. Думаю: песни ж слушаю из Москвы, они хорошие. Язык надо учить. Мы с двоюродным братом раздобыли украинский букварь (организации же были). Начал учить слова, выучил: для себя мог читать, а литературу мы получали из Буэнос-Айреса, здесь был центр. Здесь была своя редакция, свои газеты, и журналы даже наши украинские организации выпускали. Но прогрессивные, не бендеровские. В Календарях[66] есть фотография, где мы все. У нас была

[66] Украинские календари – ежегодные издания просоветских украинцев в Аргентине, в которых размещались сообщения о деятельности украинских обществ, комитетов помощи СССР, об истории украинской иммиграции и т. д.

создана библиотека имени Тараса Шевченко, там я был секретарем: когда идет собрание надо записывать – это уже было после войны, когда мы действовали легально. А помощь Родине была нелегальна. Я стал секретарем, потому что старшее поколение было неграмотным, а молодежь не успела еще научиться украинскому языку или русскому.

Раздобыли букварь. Начали учиться со своими двоюродными братьями, сестрами. Кое-что нахватал, начинаю читать газеты. А в то время была такая газета «Світло»[67], в ней описывали партизанскую войну Ковпака. И книжку про этого Ковпака публиковали в этой газете. И я научился читать на украинском.

Когда надо было получать паспорт, я сам написал свою автобиографию. После войны все украинцы и белорусы из Западной Украины и Западной Беларуси получали паспорта. Надо было всех собрать, паспорта надо было делать – ехать в Уругвай, в Монтевидео.

Я занимался распространением нашей литературы – газет и журналов (например, «Родина»). На мой адрес шло 50 газет «Світло» и 59 журналов из Буэнос-Айреса из редакции. И надо было на велосипеде в радиусе 30 км развозить по жаре по своим «клиентам» – а кто платил, а кто и не платил. Сам должен был платить – ведь люди есть разные. И еще власти преследовали немного: почту (пачку в 50 номеров) из редакции присылали на частном транспорте. Не государственной почтой.

В Чако жили до 1956 г., до выезда в СССР. В 1956 г. в Буэнос-Айресе были семь месяцев, оформились, как положено, и поехали в СССР. Нам в Аргентине представители посольства откровенно говорили: «Не спешите, у нас была война». Но родители хотели на родину, мать говорила: «Дэ родылася коза – там солодкая лоза». Мы продали всё свое имущество, сейчас это примерно 5 млн. долларов стоит. И полностью за свой счет завезли на родину семью Денисюк (они также из Степаньщины – старик уже умер, а сын и дочка до сих пор живут).

В Одессе нас переселили с парохода аргентинского на пароход «Грузия», как вроде на квартиру. Там оформили документы, обменяли деньги – как положено. Вопросы задавали: о документах, какая вера христианская. В Одессе еще развалины были – это же всего 10 лет после войны. Потом поехали в родное село. Уже апрель был, самая поздняя Пасха была в том году. Еще даже снег лежал, последний, зализанный (а я снега никогда не видел). Отец мне говорил: «Смотри, снег лежит!»

С Одессы общим поездом, сборным, специально эмигрантов бесплатно везли. Нас привезли во Львов, и мы там стояли почти день. Во Львове вагон отцепили до Ровно. Кондуктору показываем билет, а он говорит: «Вам надо

---

[67] «Світло» – газета украинских иммигрантов в Аргентине. Отображала точку зрения просоветски настроенной части украинской диаспоры. Украинские «прогрессивные» общества активно сотрудничали с белорусскими организациями, и, кроме того, в украинских клубах было много белорусов (как и украинцы входили в состав белорусских организаций).

их компостировать». «Что такое компостировать»? «Пойдите в кассу, там вам сделают». А там народу! Подхожу к проводнику, и говорю: «Там народу много». «А ты иди и не вставай в очереди, а прямо в кассу». Я так и сделал. Мы пересели в другой поезд, и когда багаж (чемоданы были, а багаж еще отдельно шел) погрузили, то кондуктор-проводник видит, что мы какие-то люди особые, предупредил: «Вы здесь за вещами смотрите». Мне это резануло душу: я здесь, на Родине, куда рвался, думал, что всё здесь, как должно быть! И такое мне сказать!

Ехали в Степань 11 человек. Наша семья: отец, мать, сестра, брат, моя жена, у нас было два сына – Лёне 2 года, а другому два месяца. От станции до районного центра Степани еще дороги (шоссе) не было. Тут в Чако жарища 45 градусов в тени, а отец здесь говорил: «Подожди, подожди! Заедем на родину, а там, если нечем топить, холодно». И мы, когда заехали, то захватили немного этого холода. Приехали в 5 часов утра на станцию Малис (в 19 км от деревни). Холодина, заморозок. Мы такого не видели, но это же уже весна. В то время ехали люди на базар – все в фуфайках, с мешками на себе. Заходим в «ожидалку», а на нас смотрят как на дичь какую-то. У нас не было фуфайки, я был в костюме и при галстуке. Отец знакомых увидел – тот с того села, тот с другого. Встреча, как это бывает, говорят: «С Аргентины приехали, с Аргентины!» Как на зверей смотрят на нас. Серьезно.

Начальник станции позвонил в нашу деревню, «Приехали люди с Аргентины, такие-то. Давайте приезжайте, забирайте их». А у меня там двоюродный брат был, фронтовик, контужен, инвалид. Ему сообщили, он на подводу – и поехал на станцию. А в то время ходили грузотакси, или как их там называют, – машины «ГАЗ-51», «ГАЗ-52». Пришло то грузотакси – а мы ж не знали, мы не успели – машина только остановилась, заполнилась сразу, а нам места нет. И мы должны ехать, и приехали ж откуда! Начальник станции говорит пассажирам: «Да вы что! Приехали люди на Родину оттуда!» А жена моя ж с ребенком на руках, второго за руку водит. Мы сели на машину, а наш двоюродный брат на подводе заехал на станцию, ему сказали, что эти люди уже уехали на грузотакси.

С нами в Чако жила одна бабушка, ей было уже 60 с лишним лет, и мы эту бабушку с собой везли. Она ехала в один поселочек, не доезжая до Степаня. Мы заехали туда (она к дочке заехала), остановились. Благополучно всё. Там нам приготовили и рыбу, и другое, и самогон. Приезжает и мой двоюродный брат – на подводу жену, мать, детей, а мы идем пешака, и снег падает. Чем нас встретила родина? Снегом!

В родном селе власти к нам отнеслись замечательно: в мире такого нет! У помещиков такого нет! Остановились у двоюродного брата, на следующий день пришли власти с района: «Как вы здесь? Чем помочь?» Нам сразу помогли. «Куда думаете дальше?» А кто его знает, что дальше! Нам всё неизвестное. Был капитализм, а тут социализм – это ж контраст. Отец

говорит: «Не знаю!» Там вся опора была на меня, и они нам предлагают: «Если Вы думаете здесь остановиться, то у нас есть колхоз, есть кирпичный завод, что-то еще там (уже не помню). Хотите останавливаться – вот домик стоит, под черепицей». Это единственный под черепицей в селе (там директор школы жил), а то всё солома. О работе сказал, а работы в то время – выбирай, какую хочешь. Это советская власть только так делает, больше нигде нет. Выбирай: по специальности, или пусть ты дурак, но всё равно работу дадут. Не знаешь работу – научим, а не умеешь – заставим. Вот так надо делать всегда. В 1940-е годы у нас был президентом Перон, который говорил: «Минимум ты должен сделать то, что потребляешь». А то сейчас наши хубиладо[68] говорят: «На 1 тысячи сидим. Мало! Дай 1,5 тысячи» Там добавили вчера, наша президентка[69] объявила. А все бурчат – мало. Это ненажорливая скотина – человек. Так и всегда будет. Не хотят социализм, придумайте что-нибудь лучше социализма.

Районные власти приходили к нам, спрашивали, где мы думаем поселиться окончательно. А в селе для нас всё новое, всё как чужое. Языкового барьера не было, но один говорит, другой говорит: «Зачем приехали?» Подразумевалось, что там было лучше. И видно нас было сразу. «Вас что, выгнали оттуда?» «Да нет, по собственному желанию». Нам это было это очень неприятно: мы приехали на Родину, а нам такое говорят! Мы ждали, что скажут: как хорошо, что вы приехали! Такого никто не сказал. А сказали: зачем вы приехали? Но я был в настроении, меня не могли свихнуть. Держался. Не за деньги, я был настоящий патриот! Мы же и страдали за это…

Власти говорят: что вы думаете? Если не хотите здесь оставаться, то у нас есть плановое переселение, можете оформиться. У нас такая система: из отстающих областей (часть Ровенской области – Полесье, где песок – считалось отстающим регионом) переселяем людей в лучшие области, например, в Херсонскую, вроде Кировоградскую сказали. А я ж не знаю в тот момент, куда двигаться дальше. Нам дали время. Помощь оказали. Где такую помощь может оказать? – Нигде! При капитализме и не думай! Вы говорит, если решитесь, то вам дадут подъемные, подсобное, вам дадут новые дома (и правда такое было). В Херсон можно было. А в Степане заведующим переселенческого отдела в районе был один русский. Любил выпить – видно было сразу. Нам еще повезло в том, что буквально в это время один из наших знакомых из Аргентины (в Чако вместе были) появился в Крыму. Мы узнали об этом от его брата Леона, который жил во Львове. Как бы добраться до Крыма? А Крым же известен на весь мир: там Ялтинская конференция была. Там Воронцовский дворец. Я знаю Крым. И так через этого русского в переселенческом отделе мы оказались в Крыму...

г. Лянус (провинция Буэнос-Айрес). 26 июля 2010 г.

---

[68] Jubilado (исп.) – песионер.

[69] Президентом Аргентины с 10 декабря 2007 г. является Кристина Элизабет Фернандес де Киршнер.

№ 12

Шевчук Степан (брат Михаила)

Я родился 30. 10. 1925 г. в деревне Згульня (сейчас это Сарненский район). После наша деревня была переименована, и теперь ее название Грушевка. Мои родители – крестьяне, которые вынуждены были батрачить, работать на лесозаготовках. В сентябре 1930 г. они приехали в Аргентину, которая в то время подписала договор с Польшей, и Польша содействовала эмиграции в эту страну.

В Аргентине, как говорится, «паны пановали, а люди бедовали»: был кризис, люди искали работу. Мы ехали в провинцию Чако – это была поросшая диким лесом местность в 1200 км. от Буэнос-Айреса. На станции Энрике Урия местный помещик Иполито Геббель забрал нас и отвез на участок в 5 га, который мы у него арендовали. А всего у этого помещика было 10 тыс. км² земли. Через два года переехали к другому помещику в Вижа Анхель. Там и земля лучше, и помещик был неплохой человек – француз Торес Сорибас, который за аренду брал меньшую плату. Сеяли в основном хлопок, он дает один урожай в год: в сентябре посеешь, а в феврале-марте собрали. С продажи, например, 1 тонны хлопка выплачивали помещику 10 %. Сеяли и кукурузу.

Сельским хозяйством в Чако заниматься можно, но жарко. Поэтому на работу вставали в 5 часов и до 10 работали. Потом перерыв, и с 4 часов до 8 опять на поле. Бывают там и засухи. Но самая страшная угроза для урожая – лангаста (саранча). И град урожай мог побить. А человеку неудобства причиняют мошкара и насекомые: польворины, пики (откладывают яйца под кожей), дэнгэ, чинчи, кукарача (заводится, где сыро, и потом – на кухню). Гадюки, пауки – все ядовитые. Спали в «кантре» – это такая раскладушка с сеткой. Было действительно тяжело, мама плакала. Наш дядя с семьей в 1932 г. решил ехать обратно на родину. И родители хотели вернуться, но для этого не было средств. Помогало то, что мы были не одни. Кроме нас, здесь жило много других семей украинцев, белорусов, поляков, югославов. Аргентинцы на земле не хозяйствовали, их нанимали только на уборку хлопка. У них особо нет забот: сидят, пьют мате или вино, думают о женщинах.

Наша семья приехала из Польши, но мы не поляки, поскольку отличаемся от них по языку. В семье говорили по-украински, или смешивали языки – могли сказать: «Подай кучижу». На новом месте родители выучили испанский язык на уровне, достаточном для общения. В 1932 г. я пошел в школу, где были представители разных национальностей. Учились с 8 часов до 12, и после перерыва с 14 до 16 часов. Я окончил шесть классов, но большинство детей в нашей семье учились меньше. Окончил начальную школу, и больше учиться не смог: в Аргентине образование платное, притом средняя школа имелась только в центре провинции – Корьентесе. В общем,

не по карману и не по силе – родители и так еле-еле сводили концы с концами.

Стал я помогать отцу. Трудностей мы хлебнули немало. Аргентина ведь скотоводческая страна, земледелие было неразвито, поэтому об удобрениях и средствах защиты растений никто не имел понятия. А хлопок очень сильно нуждался в химобработках, иначе урожая ты не увидишь. Надо крепко работать, чтобы не вылететь в трубу. Со временем мы построили дом по местной традиции: кирпичные стены, мозаичный пол. Кроме того, был большущий сарай (больше дома) – там плуги, воз, культиваторы для обработки земли. Был «кораль», где находились ночью коровы (их подоили – и выпускали). Держали коней, свиней; гусей и курей с тысячу было. И на диких животных охотились – на диких коз, зайцев. Пищу приготавливали из того, что было. Борщ варили, гисо (плов), эстофадо (картошка с мясом). Мы могли свинью приготовить в печи, где хлеб пекли. Асадо[70] мало делают в Чако.

Мы жили, привыкли, а потом появились наши организации. В 1932 г. они уже были в Вижа Анхеля: сначала маленькие ячейки, а потом больше. Была организация СУБРО, в которой украинцев и белорусов в нашей местности было поровну. Были украинцы, которые выступали и против СУБРО, а вот белорусов таких не помню. Мы устраивали забастовки, и за это активистов арестовывали. А забастовки такого рода: собрали хлопок, но не сдаем (чтобы добиться лучшей цены). А если кто-то везет сдавать, то подпаливали.

В 1936 г. в 11 лет я впервые на испанском языке прочитал книгу Островского «Как закалялась сталь» – осталось неизгладимое впечатление. Уже тогда практически у всех была очень сильная ностальгия по родине, часто снились родные места. Поэтому мы постоянно собирались у кого-то дома, делали праздники, постановки, чтобы не забыть родной язык, традиции. Среди организаций, существовавших в Чако, была Библиотека имени Тараса Шевченко, где действовали разные кружки. В 1941 г., после начала войны, я вступил в члены Компартии Аргентины. Это по тем временам был рискованный шаг: компартию преследовали, запрещали, за членство в ней судили.

В 1941 г. мы приобрели приемник, по которому слушали в 12 часов передачи из Москвы (хорошо было слышно). Война призвала нас к еще большей солидарности, чтобы оказать помощь родине. Мы организовывали комитеты помощи родине, собирали хлопок, продавали, потом покупали шерстяные нитки и вязали кофты, чулки, покупали много обуви. Всё это посылали в Европу. Нам было трудно, потому что правительство Аргентины очень подозрительно относилось к таким мероприятиям. Так как военные перевороты в то время случались часто, многие правительства были

---

[70] Асадо – жаренное на углях мясо (аргентинское национальное блюдо).

настроены профашистски. Многие люди у нас, в Чако, в Мисьонесе и других провинциях погибли за сбор денег в помощь родине. В 1944 г., именно в тот день, когда погиб генерал Черняховский, меня также арестовали в числе 70-ти других украинцев, болгар, югославов, поляков, даже аргентинцев, которые занимались сбором средств.

В те времена в Аргентине не было советского представительства, а Уругвай имел дипломатические связи с СССР. И с октября по декабрь 1945 г. посольство СССР в Уругвае объявило регистрацию желающих получить советское подданство в Уругвае, Аргентине и Парагвае. Мы посылали в Монтевидео бумаги, чтобы принять советское подданство. В мае 1946 г. приехал первый посол СССР в Аргентине Сергеев. И все те, кто зарегистрировался, получили советские «виды на жительство в Аргентине». А в 1954 г. представитель посольства Константин Константинович Колосовский специально приехал в Чако для того, чтобы выдать нам советские паспорта.

В 1956 г. я с женой (она белоруска) и двумя сыновьями приехали в Одессу. За полгода до этого мой отец и мать, брат с женой уже переехали в Ровенскую область в родное село, но потом оформились как переселенцы в Крым. В Крыму, конечно, лучше климат. Они там поселились в колхозе (потом его преобразовали в совхоз), который делал продукцию для парфюмерного производства. Мы приехали в СССР позже потому, что я руководил так называемым «Белорусским очагом помощи советским гражданам в Чако». Консул пригласил меня к себе и сказал: побудь еще немного, пока нет тебе замены. Пришлось немного задержаться. А через полгода приехали к родителям и брату в Крым.

В Крыму «возвращенцы» из Аргентины стали селиться на землях эфиросовхоза-завода, недалеко от комбикормового завода. Сначала было трудно акклиматизироваться, так как после Чако даже в Крыму зимы холодные. Но нам сразу дали домик, домашних животных – всё не так, как в Чако в свое время. С братом Михаилом я работал на стройке до 1959 г. Потом произошли перемены: дело в том, что я играл на кларнете в духовом оркестре районного Дома культуры. Видно, меня заметили и рекомендовали послать на учебу в Симферополь. После окончания специальных музыкальных курсов меня приняли на должность руководителя духового оркестра в районный Дом культуры Бахчисарая, где я проработал 15 лет. Люблю вспоминать те годы. Был высокий духовный подъем. Образовывались кружки художественной самодеятельности, возникали спортивные общества. Оркестр не был похоронной командой – он играл для живых людей, радовал их. Мы выступали в городском парке. Одновременно я руководил оркестрами в первой и третьей школах, в эфиросовхозе.

Сыны мои – Анатолий и Валерьян – имели тогда 5 и 2 года соответственно, поэтому с языком у них никаких проблем не было. Анатолий закончил восьмилетку, пошел в вечернюю школу, затем работал в

транспортной конторе райпотребсоюза, служил в армии, заимел семью. Младший был еще школьником. Жена работала в детском саду. Казалось, мы навсегда осели в Бахчисарае. Но тут получили вызов от родителей жены. Долго колебались. Жена настояла: там, мол, папа и мама, там подходящий для нее климат. Да, для таких, как я, которые выросли в субтропическом климате севера Аргентины, очень трудно пережить климат Украины, и особенно зиму. И в 1974 г. мы с женой и Валерьяном переехали обратно в Аргентину. Теперь у нас разделенная семья – мы здесь, а Анатолий на Украине.

Позднее я иногда сожалел, что приехал, так как в СССР у меня был стаж 18 лет, а в Аргентине наш стаж не принимают для пенсионного пособия. Принимают только стаж итальянцев и испанцев, так как существует специальный договор по этому вопросу. А в это же время уже Перон ввел тринадцатую зарплату и пенсионные пособия. Пришлось мне начинать все сначала с работы на стройке в Чако. Затем переехал в Буэнос-Айрес. Как и Михаил (он эмигрировал на пять лет раньше) стал строителем по найму. Что интересно: когда мы приехали в Крым, я говорил с акцентом, и все спрашивали, откуда я, а когда узнавали, что из Аргентины, говорили: «А, американец». Когда я вернулся в Аргентину, за 18 лет немного потерял практику языка и говорил с небольшим акцентом, и меня здесь спрашивали: «Вы откуда?».

Когда сюда приехали, то в наших организациях общественная работа велась неэффективно, а мы могли в этом помочь: когда Гончаров (работал раньше в посольстве СССР в Буэнос-Айресе) узнал, что я возвратился, то он сказал: «Это очень важно, он приехал с багажом». И я старался поднять уровень нашего хора в клубе «Островского» – долгое время был его бессменным руководителем. Был и председателем этого клуба.

Основы нашего общества были заложены еще в июле 1946 г. на базе Комитета помощи Родине Марии Демченко. Позже был организован и клуб имени Островского, а параллельно возникли и другие клубы. Большинство славян, которые приехали из провинции Аргентины и из Парагвая, селились на окраине Буэнос-Айреса, там же организовывали и свои культурные центры. Раньше наш клуб насчитывал около 2 тыс. человек, сейчас – всего около 200 чел. В 1946 г. мы купили два участка земли, и наш клуб обосновался здесь. К сожалению, многие из возникших тогда обществ уже закрыты: в то время правительство не было лояльно к СССР, всех тех, кто вернулся оттуда в Аргентину, считали коммунистически настроенными. Поэтому политическое давление на подобные общества было высоким, мы старались в клубах проводить только культурную работу, объединять людей и избегать какой-либо политики. Основной идеей было воссоединение славян, сохранение языка и культуры. Клуб имени Островского открыт по вторникам, четвергам, пятницам и субботам. Работает хор, драматический и театральный кружок, шахматная секция, кружок танго. Организовываются

специальные встречи, семинары, праздники (8 Марта, праздник Тараса Шевченко).

г. Лянус (провинция Буэнос-Айрес). 26 августа 2010 г.

№ 13
Голыш Владимир

Родился 1 ноября 1923 г. в деревне Печаловка Ровенской области, на Западной Украине. В 1938 г. семья – отец Афанасий Дмитриевич, мать Ярина Лазаревна Корева, я и сестра Люба – переехали в Аргентину. Западная Украина, как и Западная Беларусь, тогда были под польской оккупацией, и украинцы не имели доступа к власти: украинцы и белорусы «ортодокс», а для власти надо было стать католиком. В школе преподавали на польском языке 2 часа, а 1 час на украинском. В других местах вообще было всё по-польски.

Люди говорили, что будет война, и отец хотел уехать от войны. Мы жили недалеко от границы с СССР, где поляки фортификацию делали. Но прежде Гитлер напал… Пароходом «Костюшко» прибыли в Буэнос-Айрес, а затем переехали в Мендосу, в местечко Генерал Альвеар. Там еще рядом была «колония руса», потому что русские жили. Аргентинцы не знали Украину, и называли всех из России, даже евреев, «русо»: только когда СССР изменил политику во время арабо-еврейского конфликта, евреи стали называть себя израильтянами. Нас называли «поляко», потому что мы приехали из Польши, но мы украинцы – православные, у нас и алфавит другой.

В Мендосе мы занимались сельским хозяйством, выращивали пшеницу, помидоры, люцерну. Для хорошего урожая нужен канал, чтобы вода с гор пошла. Если вода придет, тогда хороший урожай. Участок наш был 2 км; один раз в год пройдет град – и всё потеряно.

В 16 лет я стал заниматься общественной работой: нам пересылали газеты «Світло» и «Эхо»[71], а я распространял среди наших людей. Поэтому люди знали новости с родины, знали, что происходит. В нашей газете было опубликовано и о нападении Гитлера, ведь известно, что захватчики насиловали женщин, убивали стариков и палили деревни. Мы начали формировать комитеты помощи Советскому Союзу, призывая вступать соотечественников, говорили: «Наших родных насилуют немцы. Видите, в Буэнос-Айресе комитеты, нам надо создать тоже!» В комитеты вступало много евангеликов: украинцев много, но были и белорусы. Я читал «Чапаева» и на первом организационном собрании предложил назвать наш комитет «Чапаев». Все согласились, и меня выбрали секретарем общества. Из Центрального Украинского Комитета присылали боны (листы), мы их распространяли. В украинских комитетах были и белорусы, даже и аргентинцы.

[71] «Эхо» - русскоязычная газета, выступавшая в поддержку СССР во время Великой Отечественной войны. Созданная просоветскими белорусами в Аргентине, среди сотрудников были и русские иммигранты.

Мы сопереживали нашей Родине. Однажды в костюме пошел в полицию: на груди у меня было два значка – «S» (на красном фоне золотое S) и «V». В полиции офицер спрашивает: что это означает? Говорю «Сталинград», а другой – «Победа». Документы мои он мне дал, но просил снять значок.

В 1943 г. я переехал в Буэнос-Айрес, устроился на работу на текстильный комбинат (семья осталась в Мендосе). Работал с материалом ЦК. В том году случился переворот, и власти распустили наши комитеты. Запретили их деятельность, потому что хунта под руководством Рамиреса была за Гитлера. Когда была Сталинградская битва, меня арестовали. Перед этим арестовали наших товарищей, и нам надо было спрятать материалы. А я имел боны в кошельке. Меня и Ивана Пидгайного арестовали, а парень, который жил с нами наверху, выбрался на крышу, перепрыгнул на крышу другого дома и убежал.

Мне тогда было всего 20 лет, а тут посадили в маленькую комнату с цементным полом: нет ни кровати, ни стула, ни света. Нас не кормили: дал полицейскому деньги, чтобы купил еду. На четвертые сутки ночью полицай приходит и вызывает к комиссару. Начали меня расспрашивать, отвечаю: «Недавно приехал из Мендосы, не имею знакомых». Все в полиции находились в цивильном, комиссар вынимает кошелек: «Твой? Боны чьи? И говоришь, что никого не знаешь. Ты помогаешь коммунистам!» Меня один из присутствовавших, двухметровый, хотел ударить, но его остановили: «Нет, есть время для него». Ночью нас с Пидгайным повезли на Виа Лопес, где мусор, – там убивали. Мы попрощались с собой. В отделение Виктория привезли – нет мест. Потом в Сан-Фернандо, где федеральная полиция. Там повсюду скользко, отвели в лох, в земляную яму – кругом вода. Там было 6 человек из других местностей (среди них белорус Якимчук). Ветер, холод; часовой кричит: «Не разговаривать!» Наши передали нам еду, часовой разрешил разговаривать, только условились, что если он прокашливается, тогда надо молчать. Сидели 8-10 дней.

Вызвали меня к шефу (jefe), а это тот, который меня не дал ударить в первый раз.

– Ты поляк?» – спрашивает.

– По паспорту да, но я ортодокс – украинец.

– Сколько коммунистов было в Польше?

– Мне тогда было 14 лет, что я мог знать?

Обернулся посмотреть, нет ли кого тут, и говорит:

– Выйдешь, работай, как работал: русские наступают по всем фронтам.

Перевели нас в комиссариат в Тигре, где нас уже сидело 13 человек – аргентинцев добавили, но большинство наших. Нам уже передали ковдры[72], наши приносили. Из тюрьмы видел, как на улице молодежь веселится, а я 20-

[72] Ковдра (укр.) – одеяло, покрывало.

летний сижу в тюрьме. Вспомнил про Зою Космодемьянскую из газет – нужно терпеть. Ночью на допрос выводили мужчину и женщину, мордовали там. Наша группа пережила всё. После арестов в нашей камере сидело уже 25 человек. Когда Красная Армия освобождала Сталинград, отправили нас в тюрьму Ла-Платы. Там сидели три месяца с лишком – всего четыре месяца отсидел. В то время арестовали и моего отца в Мендосе. Нам сообщили, что был суд, который нас оправдал. Нас выпустили. Когда Аргентина объявила войну Германии, политика изменилась, и мы обратно обновили комитеты. После войны помощь оказывали через Центральный комитет солидарности.

Я сначала был членом клуба «Толстого», потом клуба «Тычина» в Сан-Мартине. Когда проводили Первый конгресс украинцев, я был избран в Центральный комитет. На конгрессе постановили открывать культурные общества: в одном Сан-Мартине было шесть клубов (сейчас остался один «Белинского»). Тогда Перон разрешил деятельность КПА, но советские граждане вышли из партии. А после – нет стабильности в Аргентине: чуть что, военный переворот, и клубы наши закрывали. Когда была хунта Пабло Рамиреса, по декрету закрыли все наши клубы.

Аргентина во время войны озолотилась: я работал на текстильном предприятии – всё шло на экспорт. Жили хорошо, так как зарабатывали. А каждый хотел на родину, жить среди своих: я еще до открытия посольства СССР в Аргентине ездил в Уругвай с целым чемоданом анкет для получения советского гражданства. Но не знали, в каких условиях в СССР жили люди. Один раз мы проводили концерт (по-моему, в честь Дня Победы) и советский посол выступил с речью, в которой сказал: «Дорогие друзья! Много соотечественников приходит в посольство, ругаются, хотят поскорее вернуться… Там люди живут в землянках. Подождите!» Но много поехало, увидели, не выдержали. Вернулись и говорили против Советского Союза. А в СССР им помогали, квартиры давали, в то время как фронтовикам не давали. Мой друг Иван Пидгайный жил на Украине, но на Полтавщине когда ехал на мотоцикле, был сбит и умер. А сын его жив.

Спустя четыре года после войны, где-то в 1950-м году объединили украинцев и белорусов в один коллектив – «Библиотеку им. Пабло Тычины». Показывали там советские фильмы, и много людей приходило их посмотреть. Соседи заявили: тут распространяют советскую пропаганду – вы имеете портреты Ленина, Сталина. Мы решили снять портреты. Приходит полицейский, а висят только портреты Сармьенто и Сан-Мартина. Мы признали, что фильмы советские показываем, но сказали, что показываем один советский фильм, один аргентинский (через раз). Нас не закрыли, сказали: «Но смотрите!»

Когда был праздник перенесения праха Сан-Мартина, мы хотели принять в нем участие. Но комиссар отказал – сказал, что мы коммунисты. Потом клуб «Пабло Тычина» закрыли. Позже вместо него открыли клуб «Белинского»; он размещается в здании, где раньше была мебельная

мастерская. Тогда очень много людей записывалось – хотели показать, что они активные участники клубов, для того чтобы поехать в СССР. В «Белинском» было 4 тыс. человек, а в «Горьком» (он самый крупный клуб) – 5 тыс. человек.

Нас дважды закрывали, поэтому клубы других национальностей постепенно стали на более высоком уровне. Например, «Белинский» и остальные были закрыты в 1958 г. Я тогда был секретарем. Закрыли нас власти под давлением военных, но потом военные свергли и президента. Стал во главе вице-президент Гидо. Потом Илия. Прошло 3-4 года, и Александро Сазонюк предложил: напишем письмо в Министерство внутренних дел (министром тогда был доктор Троколи). Решили лично вручить, но нас принял заместитель Троколи и сказал: «Обсудим этот вопрос». И вскоре наш клуб открыли. Меня после этого вызывали в полицию, перед этим расспросив обо мне моих соседей. В полиции спрашивали: «Ты где работаешь? Почему в Министерство, а не в полицию обратились? Рекомендуем, чтобы в следующий раз обращались в полицию. Рекомендуем: не вмешивайтесь в политику!» Я отвечал: «Мы не занимаемся политикой, мы просто советские граждане».

В 60-80-е гг. был Совет председателей клубов, потому что не было Центрального руководства. Меня выбрали председателем Совета председателей. Мы проводили собрания, например, решали, как улучшить работу организаций. Меня в 1982 г. пригласили в Москву на 60-ю годовщину СССР (вместе с Доминго Вергельцем). В Москве провели собрание с президиумом Общества «Родина» (его председателем был Горшков). Горшков меня как председателя спросил, что я хочу попросить для помощи в нашей работе. Я отвечал, что мы имеем хор, хор молодежи, курсы русского языка. Нужно подготовить хорового дирижера, который бы наших хоровых дирижеров подтянул на более высокий уровень. А также профессора русского языка. Во время войны мы помогали Советскому Союзу, а сейчас СССР помогает другим странам, и советские артисты бывают в Аргентине. Почему же не помочь нам? Разве мы должны за это платить? Летом наши люди едут на отдых в Мар-дель-Плату, Бразилию и т.д. Клубы закрыты летом, а пенсионерам некуда пойти. Нужно организовать бассейн, парк, где можно собраться. И после этого приезжали к нам артисты: мы им только подарки вручали, а дорогу оплачивала «Родина».

Наш Совет председателей не имел никаких юридических прав. Поэтому в 1986 г. создали Федерацию. А решения Федерации имели силу: что решили, то нужно выполнять.

Если раньше в Аргентине нас не приглашали на различные мероприятия, то теперь приглашают. Во время войны убили 5 человек из нашего сообщества, а сейчас приглашают на мероприятия. Но мы не используем эту свободу. Почему? Первые эмигранты работали очень дружно: дождь идет – всё равно все будут. Надо быть – все придут. Мы и сейчас

делаем полезную работу: празднуем праздники, представляем традиции. Но дети… Сейчас поколение мало знает о родине. Даже евреи, а я говорил с еврейским дирижером (руководителем), – молодежь говорит только по-испански. Поэтому надо изменить закон о гражданстве – надо дать возможность иметь двойное гражданство. Сейчас если хочешь принять российский паспорт, нужно отказаться от аргентинского паспорта. А, например, итальянец из Аргентины стал парламентарием в Италии.

Нужно действовать культурно солидарно, оказывать помощь. Все председатели и другие активисты наших организаций не имеют зарплаты. Это неправильно. И если человек заболел, нужно к нему обязательно сходить. А когда бывший руководитель умер, его никто не вспомнит, и родственники недоумевают: как так? А надо собрать коллектив, устроить стол. Это очень важно, и мы этого не делали. Это важно, чтобы поддержать коллектив.

г. Сан-Мартин (провинция Буэнос-Айрес). 4 августа 2010 г.

№ 14
Скалкович Григорий

Хочу рассказать о семье белоруса Семена Скалковича. Самое первое нужно раскрыть значение самой фамилии. По ее значению можно сказать, что люди, носящие эту фамилию – имеют твердый характер, и как скала стоят на защите не только своей семьи, но и на защите своей Родины и своего народа…

Семья Скалковичей спокон веков жила в белорусском селе Дмитровичи, близ Каменца и недалеко от красавицы Беловежской Пущи. Жители Дмитрович и окрестных сел занимались в большинстве своем земледелием. Еще по спадчине (по наследству) им переходил в руки клочок земли, на котором они работали, который кормил их и их семьи… Но время шло: подрастали дети и дробились эти и так очень маленькие полосочки земли. Отцы старались выделить своим детям хоть крохи, ведь без земли здесь – не прожить. Да еще и страшное угнетение панской Польшей. Было запрещено общаться на родном языке, в школах учили только на польском языке. Польское правительство хотело «ополячить» народ. Запретили выпуск книг на родном языке. И без того тяжелые материальные условия жизни трудового белорусского народа, да еще и порабощение панской Польшей, вызвало и вызывало волны восстаний. Начались репрессии, много молодежи посадили в тюрьмы, как «политических».

Под эту волну попал и сын Семена Скалковича Андрей. Этот красивый кудрявый парень с искристыми глазами, не скрываясь, выступал против порабощения народа. Требовал, как и его соратники по борьбе, общения на родном языке, газеты, журналы и книги печатать на родном белорусском языке. Вернуть права белорусскому народу, вернуть им Родину и родную землю. Больше года он был в тюрьме: его избивали, требовали, чтобы он

отказался от своих слов, чтобы покорился польским властям. Но этого не произошло. Вся заключенная в тюремные застенки молодежь была стойкая в своих требованиях. Но их было мало – не хватало сил на борьбу. Вскоре им удалось бежать…

Чтобы избежать со стороны польских магнатов порабощения, молодые семьи стали уезжать кто куда… В основном соглашались на условия агитаторов из-за рубежа, которые прибыли набрать себе и своим хозяевам дешевую рабочую силу, обещали им обеспеченную жизнь. Андрей Скалкович, собрав свое нехитрое имущество, оставив всё своей меньшей сестре Анне, с молодой женой Верой и двумя малолетними детьми: Гришей (4-х лет) и Лидой (6-ти месяцев от роду), поехал за границу искать счастья, уже не себе, а своим детям…

В 1935 г. началась активная подготовка к выезду. В памяти маленького Гриши отложились разговоры о каких-то дальних странах, где должны были получить много земли, иметь много работы и очень хорошую обеспеченную жизнь. И вот настал день отъезда: пришло много друзей, соседей, знакомых прощаться с отъезжающими семьями. И, возик за возиком – везли нехитрое имущество в Брест, к поезду. Уже был конец ноября, было холодно, зыбко, как-то не по себе было людям, навсегда покидавшим родную землю. В мыслях было только одно – лучшую жизнь детям. О себе и не думали, думали о своих детях, жили надеждой на обеспеченную их жизнь…

С большим удивлением и широко раскрытыми глазами смотрел маленький Гриша на черное чудовище, как в сказке, с длинным хвостом и высокой дымящей трубой. Оказывается, это был поезд. Стали все занимать места в вагонах, размещались на сундуках, ящиках, лавках (кто где). Людей было очень много. Гриша сразу уместился возле окошка, ему всё было интересно. Он не понимал: почему плакала мама, почему плакала тетя Аня, за окном, взмахивая беленьким платочком.

Ехали очень долго. Останавливались на каких-то станциях и полустанках. Под стук колес люди дремали, на некоторое время забывая о том, куда едут и где они. Путь их лежал через Варшаву. Наконец-то Париж, Франция, здесь эмигрантов (так их стали называть) пересадили на пароход «Керкелен» – и поплыли… После езды на поезде здесь всё ново: только вода и небо… Многие не выдерживали качки. Им было плохо: не могли ни спать, ни дремать – всё кружилось, плыло, бросало со стороны в сторону.

Гриша как-то сначала приуныл. Вспомнился их маленький уютный домик, а во дворе расхаживал большой гусь с красным носом. Он так всегда ухитрялся ухватить его за ручки или за штанишки, свалить его, покачать в густой траве во дворе. Вспомнились его друзья, соседские дети. Как они все дружно играли, бегали, прыгали, водили хороводы. Как папа однажды посадил его на высокий воз с травой, и Гриша при толчке слетел с него прямо на землю. Все перепугались, но мальчик только смеялся, ведь он свалился на землю, поросшую травой – свежей, пахнущей… А зимой помнит

горку, укрытую пушистым искристым снегом. Он на саночках летит с горки – дух захватывает: ах, как хорошо! Но нужно саночки тянуть снова на горку, чтобы снова лететь вниз. Как не хочется… И ему всегда помогала его любимая тетя Аня. А сейчас она далеко, перед глазами только ее заплаканное лицо. Как хочется Грише прижаться к ней, чтоб она погладила его по кудряшкам…

Тетю он увидит через долгих 39 лет. А сейчас он на пароходе, плывет в далекую Аргентину. На пароходе у него есть новые друзья, дети тех, кто разделил такую же самую участь, что и его папа и мама. Взрослым тяжело, разговаривают и тяжело вздыхают. А детям раздолье: мотаются по палубе, хохочут, да еще если брызги попадут на них, то совсем весело. Дети есть дети, многого они еще не знают и не понимают. Им легче пережить разлуку с родной страной, родным домом. Рядом с ними их родители – и всё для них хорошо…

Почти месяц эмигранты плыли к берегам Аргентины. И вот Аргентина: всё пришло в движение на пароходе, в действие. Помогая друг другу, эмигранты-белорусы выносят на берег свой нехитрый багаж. Привезли их сначала в большой дом в г. Буэнос-Айрес на пересылочный пункт. После этого завезли в большую, поросшую лесом провинцию Мисьонес, в ее столицу Посадос, а оттуда переправили на больших грузовых судах в Парагвай. Здесь эмигранты-белорусы увидели, какую «обеспеченную» жизнь уготовили им агитаторы из-за рубежа. Жара, непроходимые чащи, различные насекомые, которые впивались в тело человека. Это всё нужно пережить, подготовить для себя хоть маленькую полоску нетронутой земли. Вот в какие страшные условия попали эмигранты – с огня да в полымя. Теперь они поняли, что их обманули.

Но нужно было выжить, вырастить детей – назад дороги нет. Андрею посчастливилось: он встретил своих земляков, которые приехали сюда еще в 1927 г. Они уже немного обжились в Аргентине. И он и его три товарища, такие же, как он, решают ехать с ними, оставив на время свои семьи в Парагвае, в г. Посадос в Аргентину. Ночью переправились в Аргентину, а там в провинцию Чако, в город Роке Сайенс-Пеня. И нанялись работать к своим землякам «по-черному». Вот этот «рай», который обещали им агитаторы! Но, благодаря крепкой дружбе белорусов-земляков, помогая друг другу, они стараются выжить. Вскоре Андрей и его земляки забирают из Парагвая свои семьи.

Теперь жить им стало легче, хоть и тяжелый, изнурительный труд на хозяина, все же семья с тобой – дети, жена. Это радовало Андрея. И маленький любопытный Гриша часто вспоминал и теперь вспоминает: где бы папа не шел, где бы не был в свободное от работы время (вечерами), он брал за ручку его и всегда садил возле себя. Он хотел, чтобы мальчик слушал рассказы взрослых, слушал чтение газет, учил его грамоте. Отец Гриши был самым грамотным среди своих товарищей: он знал и хорошо читал на

белорусском, русском, польском языках, и быстро научился читать и писать на испанском языке.

Потихоньку собирали копейки, и пришел счастливый момент: в 1939 г. купили на всех (на 4 семьи) клочок земли. Это была уже своя земля! Очень дружно работали на этой земле, построили небольшие домики, начали разводить разную живность: курей, уток, свиней и скот: коров, коз, лошадей… А вечерами и в выходные дни своей маленькой группой (4 семьи) собирались у кого-то: читали свежие газеты (доставали от таких, как и сами), рассказывали стихи, были-небылицы, пели песни на родном языке… Были газеты «Русский в Аргентине»[73] (на русском языке), «Світло» (на украинском), а позже с 1940 г. «Белорусский иллюстрированный календарь», который стала выпускать Федерация Белорусский Обществ и Организаций в Аргентине.

Через некоторое время купленную землю разделили, и каждой семье достался свой кусок поля. Раздел не повлиял на дружбу эмигрантов, а наоборот, эти маленькие культурно-просветительные кружки (группы) начали действовать еще с большей силой. И каждый раз, когда Андрей читал, Гриша внимательно следил за его взглядом. Однажды папа не выдержал и сказал: «Что ты следишь за моим чтением? А, ну, читай!» В руках у него была газета «Русский в Аргентине», и Гриша не растерялся – сначала по слогам, а потом по словам стал читать заглавие газеты и газету. Отец очень удивился, ведь он учил его только испанскому языку. Мальчик в 1939 г. пошел в школу, минуя первые два класса – он уже хорошо читал на испанском языке. А теперь – неожиданность: «Откуда ты знаешь русский язык?» Ведь их разговорным языком был родной – белорусский. Гриша смущенно ответил: «Я смотрел, как ты читаешь, и сопоставлял буквы – вот и научился читать, разбирать слова».

С тех пор папа разрешил Грише читать на русском языке: ему было приятно, что его сын растет не «пустым» мальчишкой, а любопытным, умным и всем интересуется. Гриша читал сказки А. Пушкина на русском языке, и всегда с гордостью выразительно декламировал отрывок из поэмы «Зимняя дорога» на праздниках. А праздники устраивали каждую субботу (на ночь) и воскресенье днем.

И вот эти маленькие культурно-просветительные кружки начали показывать себя: организовали танцевальный кружок, хоровой, драматический; стали учить русский язык… И теперь люди узнали, что есть такой народ по национальности – белорусы, который продолжает традиции, изучают историю своей Родины, своей земли, приумножают свою культуру. Таких маленьких групп было много, почти в каждой колонии провинции Чако: на Пенай, Ля Маскота, Алия Терай, Трес Ислетас, Вижа Анхеля, Вижа Бертед, Кампо Лярго, Ля Тигра и др. Эти группы с концертами посещали

---

[73] «Русский в Аргентине» – газета русских белоэмигрантов, выходившая в 30-40-е гг. XX в. в Буэнос-Айресе. Во время Великой Отечественной войны выступала в поддержку Советского Союза.

друг друга, проводили фестивали, конкурсы. Здесь были не только белорусы, но и украинцы (из Западной Украины), и эмигранты других национальностей. Все эти славяне объединялись в одно целое, продолжали общее дело – растили и воспитывали своих детей в духе любви своего народа, своей Родины, своей земли. Можно всегда было увидеть детей и взрослых в их национальной одежде (их красиво вышивали и шили женщины), они красиво кружили в танцах: в гопаках (украинских), в белорусских хороводах, в вальсах.

Очень большим и радостным событием для эмигрантов-белорусов стало освобождение родной Западной Беларуси от бывших польских панов во время нападения фашистской Германии на Польшу (17 сентября 1939 г.) и объединения ее с Восточной Белоруссией в единую национальную свободную страну, и вступление ее в СССР.

Но грянула страшная война: фашистская Германия без объявления напала на Советский Союз. Эмигранты-белорусы, далеко оторванные от своей Родины, организовывают комитеты «Помощь Родине». И взрослые, и дети идут на уборку полей (хлопка, кукурузы), чтобы внести свой вклад в помощь Родине. Каждому из них был выдан документ «Помощь Родине», где было записано: сколько рублей, копеек заработано на сапоги или одежду красноармейцу. С одеждой и обувью было отправлено судно в Советский Союз. Таким образом белорусы старались помочь Родине в борьбе против страшного нашествия на родную землю.

Гриша до сих пор помнит, как он с меньшей сестричкой Лидой, собирая хлопок, знали, что плата за этот труд пойдет на приобретение пары сапог красноармейца. Они тоже имели книжечки «Помощь Родине», гордились тем, что хоть чем-нибудь могли помочь своим землякам в борьбе против страшного фашизма. Эмигранты организовывали субботники, и эти деньги пересылали в фонд «Помощь Родине». Вечерами они собирались и слушали сообщения по радио, читали сводки о продвижении фронта.

В 1943-44 гг. в провинции Чако начали проводиться репрессии против эмигрантов, которые помогали Родине и активно участвовали в политической акции «Помощь Родине». Активистов стали арестовывать и сажать в тюрьмы, как политических. Андрей Скалкович случайно избежал тюрьмы, потому что сильно заболел, и соседи его отвезли в одну из клиник Буэнос-Айреса. Грише было неполных 14 лет – он уже был во всем помощник отцу. До сих пор у него перед глазами измученный болью отец. Уезжая, он надеялся на быстрое возвращение. Но произошло худшее: он умер в госпитале 28 июня 1944 г., так и не увидев больше семью.

Страшное горе вошло в дом Гриши. Умер папа… Гриша помнит, как им сообщили о смерти отца. Сошлись соседи, близкие, знакомые, ведь он был всем нужен – этот грамотный, умный человек. Он всегда умел дать хороший совет, поддержать человека в трудную минуту, никогда не жалел своего времени для других. Закаленный в борьбе, он и сына воспитал в таком

же духе… А теперь папы нет. Гриша понимал, какая большая ответственность ложится на него, ведь он первый помощник у мамы, которая должна вырастить его сестричку Лиду (девяти лет) и двух его маленьких братиков-близнецов – Степу и Сашу (пяти лет). Теперь нужно было заботиться о них, везде и во всем помогать маме.

Вера заняла место мужа, работала не только по хозяйству, воспитывала детей, но и принимала активное участие в общественной работе. Первым ее помощником во всех делах стал Гриша. Теперь все его стали звать Григорием, и он понимал, что он уже взрослый. Хоть ему было всего 14 лет, он работал наравне со взрослыми, был избран членом родительского комитета школы, где учились его меньшие братья и сестра. Вскоре он стал председателем этого комитета. Принимал активное участие в вечерних заседаниях, хорошо читал газеты, провел домой радио. И каждый раз вечерами сходились соседи и слушали передачи по радио. Взрослые стали уважать Гришу и общались с ним на равных. Он в свою очередь внимательно слушал советы старших.

В его памяти до сих пор возникают события празднования Дня Победы. 9 мая собрались эмигранты-славяне на большой праздник, все были счастливы, на лицах у каждого была неописуемая радость. Везде звучали музыка, песни на разных языках, веселые разговоры. Праздник длился два дня: эмигранты, оторванные от Родины, радовались концу войны, знали, что мирный труд на благо Родины – это уже и есть большая победа трудового народа. Через некоторое время стали получать весточки (письма) с Родины, из родных мест. Из них узнавали о судьбах своих родственником, соседей знакомых, просто земляков… Со сводок Информбюро по радио эмигранты узнавали о жизни своей страны, их радовали все успехи народа на уже трудовом фронте. Эмигранты помогали землякам, как могли: организовывали субботники, воскресники, а заработанные деньги посылали в основной центр «Помощь Родине» в Буэнос-Айрес, а оттуда – на Родину в виде одежды, обуви для людей.

Эмигранты также беспокоились за свое подрастающее поколение. Дело, начатое (организованное) еще Андреем Скалковичем и его земляками-соратниками в 1943 году, – постройка школы для детей эмигрантов и бедных аргентинцев, было завершено в 1946 г. Григорий помнит, как он и его сестричка Лида, соседские дети ездили возиком в школу за 10 километров. Нужно было вставать в 4-е утра, чтобы успеть на занятия. Утром выезжали по морозу (-7°), назад возвращались в самую жару (+40°). Но все-таки ездили, стремились приобрести знания. И вот – школа в 500 метрах от дома. Мама празднично одела малышей Степу и Сашу, и Гриша, как старший брат, повел их в эту школу, которая красовалась на всю округу Ла Маскота. Это была память о его папе, ведь он очень хотел, чтобы дети учились. Правда, долго не давали учителей: некоторым не хотелось, чтобы дети бедняков и эмигрантов учились и знали грамоту. Только при власти Перона в 1947 г.

Эвита сделала для бедных людей добро: в школу со столицы Чако г. Ресистенции были направлены учителя. До сих пор функционирует эта школа! Не пропали зря усилия папы Григория и его соратников.

Время шло: на смену родителям вставали их дети, закаленные суровой жизнью, в тяжелом труде, воспитанные в духе любви к своей Родине. Они понимали, что долгие четыре года борьбы советского народа с фашизмом дались их землякам (соотечественникам) большой ценой, но они выстояли в этой борьбе. Молодые эмигранты всячески старались поддержать связь со своим народом. Они понимали, где бы они не были – всегда будут детьми своей Родины, своей родной Белоруссии. В 1948 г. большинство эмигрантов-белорусов стали советскими гражданами, получили советские паспорта. Григорий помнит, как приехали к ним в провинцию Чако, в Ла Маскоту представители и вручали им паспорта. Семнадцатилетний юноша очень гордился, что является советским гражданином.

После окончания Второй мировой войны в Аргентине начался подъем индустрии и промышленности. Вокруг столицы стали строиться фабрики и заводы (автомобильные, кожевенные, стекловыдувные, мясные (по убою скота)). Появились рабочие места. Из далеких провинций, с полей стали переселяться эмигранты. Много белорусов-эмигрантов начали работать на этих заводах и фабриках, вновь открытых, чем способствовали подъему индустрии и промышленности Аргентины.

Белорусы жили активной жизнью. 16 мая 1948 г. была создана организация «Белорусский очаг», на основании которой эмигранты основали «Общество Взаимопомощи». Основной центр общества находился в Буэнос-Айресе, а его филиалы открылись в далеких провинциях страны. И в 1950 г. в провинции Чако, в городе Роке Сайнс-Пеня.

Семьи белорусов стали записываться в «Общество Взаимопомощи», целью которого было: защищать, помочь бедным эмигрантам и материально, и финансово, и дать медицинскую помощь. В то время эмигрант не имел никаких прав: его хозяин в любое время мог уволить с работы, когда человек болел – не оплачивал время болезни. А «Общество Взаимопомощи» за мизерную плату, а то и совсем без платы, выделяло врачей, которые были их членами. Таким образом, эта организация стала пополняться эмигрантами-славянами, и скоро в Обществе насчитывалось более 10 тыс. членов.

В первых рядах в «Общество Взаимопомощи» записалась и семья Скалковичей. И через несколько лет, в 1953 г. двадцатиоднолетнего Григория избрали в Правление филиала, в качестве секретаря протоколов в провинции Чако, в Роке Сайнс-Пеня. Он был секретарем до 1956 г., пока семья не выехала в предместье столицы, в город Лянус. Активные культурно-просветительные действия эмигрантов-белорусов знакомили народ с их культурой. Привозили и представляли для просмотра советские кинофильмы, например, «Иван солдат», «Чистое небо», «Радуга» и многие другие. Из районов съезжались эмигранты, чтобы посмотреть фильм, радовались,

обсуждали действия героев. В основном фильмы были о героизме советских солдат, партизан, подпольщиков и трудового народа во время Великой Отечественной войны. При просмотрах фильмов хаты-читальни были переполнены, а если не было дождей, то фильмы показывали на поле на подвешенном экране. Григорий с товарищами объездил всю округу провинции Чако – привозил людям кинофильмы, газеты, книги, помогал устраивать концерты, всегда был активным их участником: в организованном драмкружке ставились пьесы известных драматургов («Деревья умирают на ногах» на испанском языке, и многие другие на русском, украинском и белорусском языках). Все собранные деньги шли в кассу «Организации Взаимопомощи».

Люди на такие мероприятия приходили бедные, но очень честные. Григорию запомнился случай, когда он привез в очередной раз кинофильм в город Лас Бреняс. Пришло множество эмигрантов на сеанс, а опоздавшие старались найти себе место, чтобы посмотреть фильм стоя. Среди местной молодежи всегда находятся помощники киномеханику. Два местных парня стали продавать и контролировать билеты. Люди давали деньги, но сдачу не брали. После просмотра парни сдали Григорию деньги и оставшиеся билеты. А так как сдачу не давали, то остались «лишние деньги». Ребята их не утаили и отдали Григорию. Он не хотел их брать, но ребята настояли: этими деньгами был оплачен зал, который он нанял для просмотра картины. И так было не раз – честности у бедных эмигрантов не занимать.

Наряду с культурно-просветительной работой эмигранты уделяли внимание и спорту: организовывали футбольные команды, проводили дружеские встречи между эмигрантами соседних районов. На футбольном поле Григорий всегда был правым нападающим. Благодаря высокому росту, он старался и головой забить мяч.

В 1956 г. так, как и другие эмигранты-белорусы, семья Скалковичей переехала жить в предместье Буэнос-Айреса, в город Лянус. Григорий сразу же окунулся в политическую жизнь эмигрантов, и в 1957 г. был избран в ревизионную комиссии «Организации Взаимопомощи» в Буэнос-Айресе (работал в ней до ее закрытия, до 1960 г.). С 1956 г. Григорий стал активным членом клуба им. Н. Островского на Карасе (г. Лянус), где жил. Избирался в правление молодежи при клубе, принимал участие и в строительстве клуба. Долгое время, до закрытия «Общества Взаимопомощи» был ответственным в комиссии по экономическим средствам (помощь бедным эмигрантам, организация врачей, организация народных праздников и т. д.) В часы репрессии (1960 г.) «Организация взаимопомощи» была закрыта только потому, что большинство ее членов были советскими гражданами. Позакрывали и культурно-просветительные центры (клубы). Многих организаторов, как «политических» посадили в тюрьмы. Григорий избежал этого только потому, что его товарищи встретили на пути к клубу и предупредили об арестах. И он вынужден был уйти. Клубы были закрыты аж

до 1963 г., когда их разрешили открыть, но организацию «Белорусский Очаг» и «Организацию Взаимопомощи» – нет.

г. Лянус (провинция Буэнос-Айрес). Текст написан В. Сербиной и передан 4 августа 2010 г.

№ 15
Мурин Иван

Моих родителей звали: Мурин Петр Федорович и Зернюк Екатерина Степановна. Они жили в Беларуси в деревне Малые Мурины, состоявшей из 13 дворов. Мои родители были крестьяне, обрабатывали землю. Эмигрируя в Аргентину, они уехали из Малых Мурин через Брест, Варшаву и Гданьск, где 22 декабря сели на корабль «Пулавский», который направлялся в Парагвай, куда они прибыли 12 января. Нас поместили в эмиграционный отель на 8 дней. Затем на маленьком корабле мы поплыли в Парагвай (в г. Энкарнасьон), где устроились на маленькой ферме вместе с семьей двоюродного брата отца.

Они уехали из Беларуси из Малых Мурин, потому что имевшиеся у них средства существования не обеспечивали достойную жизнь; у них было 5 гектаров земли, а по письмам и рассказам людей было известно, что в Парагвае было много дешевой, но плодородной земли (только очень дикой). Но когда они приехали, то поняли, что это не то, чего они ожидали. Там они проработали два месяца на рисовых полях. Моим родителям и двоюродным братьям не понравились суровые климат и природа, и 22 апреля они получили визу и вернулись в Аргентину, в Буэнос-Айрес с идеей вернуться на родину, так как эмигрантский контракт предусматривал возможность вернуться, если в Парагвае не понравится, и проезд был оплачен туда и обратно. Но вскоре началась Вторая мировая война, и возвращение стало невозможно.

Они нашли работу в столице, в Буэнос-Айресе. Отец – плотником на маленьком предприятии одного еврея, которых в те времена было много. Евреи знали язык, на котором говорили наши родители, и так быстрее понимали друг друга. Этот диалектный язык общения они называли «хохол». Мама работала в еврейских домах, стирала, утюжила и выполняла другую работу по уборке. Позднее, она проработала много лет швеей в еврейских мастерских.

Мы жили в доме каких-то турков, которые плохо к нам относились. Они называли нас «дерьмо польское», и везде нас тоже притесняли из-за того, что мы «поляки». Поэтому наши родители больше общались с евреями, потому что те помогали им с языком. Выучить язык было трудно, чтобы что-то купить, нужно было показывать пальцем или покупать в лавках у евреев. Когда мы приехали в Аргентину, то на местном диалекте (xoxol) говорили «не знаю». Затем мы выучили испанский до теперешнего уровня. Общались: было много литовцев, итальянцев, испанцев, турков, чехов и др.

Они были верующими, когда только приехали, но спустя несколько лет стали ходить в церковь только на Пасху и на Рождество. Они не посещали и не совершали религиозные обряды, только семейные на Пасху и Рождество. По вероисповеданию они были православные, кем я также являюсь.

Мы, как и соседи белорусы и украинцы, жили на улице, которая вела прямо на кладбище в 8 куадрах (квартал в городе) от нас, и видели много повозок (катафалков) с покойниками. Моя мама, говорила, что люди здесь умирают очень быстро.

Они собирались в домах земляков. Во время войны уже существовали несколько организаций земляков: белорусов, украинцев, поляков, югославов, литовцев. И наши родители, как и многие другие, участвовали в подготовке и покупке домов, их строительстве. Мой отец был членом комиссии библиотеки «Иван Луцкевич»[74]. Во время войны они следили за событиями, выступали в клубах, организовывали небольшие фестивали, чтобы собрать деньги, сотрудничали с коммунистической партией в разных формах. Моя мать помогала шить одежду, чтобы послать ее в Советский Союз. В Аргентине очень радовались, когда закончилась война, и многие стали готовиться к возвращению на родину и уезжали, но спустя несколько лет снова вернулись в Аргентину, потому что скучали.

Между нашими родителями не было национальной розни, но я знаю, что в начале существования организаций были небольшие трения между белорусскими и украинскими. Поляки, с моей точки зрения, по происхождению были очень гордые, высокомерные, и такими и остаются (если я не ошибаюсь). Белорусы и украинцы – братья по крови; за исключением некоторых: клубы украинцев (самостийных), знаю, что в тех случаях, когда приезжали украинцы с Украины, они ходили в клубы, и из-за того, что они говорили по-русски, им пришлось спасаться бегством.

После войны у моих родителей была идея вернуться домой, мои двоюродные братья так и поступили. Моя жена и я никогда не хотели натурализироваться в Аргентине, мы не считали это необходимым, да и было много препятствий.

Отец считал, что родом оттуда, и что жизнь на родине в Советском Союзе (Беларуси) станет лучше, чем та, которой они жили. Они решили вернуться в Беларусь в 1955 – 1956 годах, но из-за семейных проблем и проблем с жильем не смогли этого сделать.

г. Сан-Мартин (провинция Буэнос-Айрес). Запись передана 25 августа 2010 г.

Перевод О. М. Костюшкиной.

---

[74] Белорусская библиотека им Ивана Луцкевича – одна из старейших белорусских организаций в Аргентине. Основана 28 января 1937 г. в Буэнос-Айресе. В организации действовали классы по изучению русского языка, театральный кружок, хор, струнный оркестр; были сформированы женская и молодежная секции. Во время Великой Отечественной войны по инициативе членов «Белорусской библиотеки им Ивана Луцкевича» был создан «Белорусский центр помощи родине». Закрыта в конце 1940-х гг.

№ 16

Микулик Мигель

Я родился в 1923 году. Я помню, что в ноябре 1927 года умерла моя бабушка по матери, и в первые дни декабря мой отец уехал из дому и направился в Америку. Было очень холодно, и мы смотрели в окно. Мы (София, Мигель и Ольга) остались с мамой, 3-мя тетями и дедушкой. Жили в деревне. Школы у нас не было, но люди наняли частного учителя. В доме, где был один ребенок, мы были одну неделю, в доме, где два – две недели. В 1932 г. поляки арендовали зал моего дедушки, и там у нас была школа. Поляки прислали учителя из Ченстохова. В 1933 году мой отец вернулся из Аргентины. Тогда он хотел купить хутор неподалеку. По воскресеньям он ходил по деревням и всегда брал нас с собой. В одно из воскресений отец узнал, что двоюродный брат его знакомого Купраса (Kupraz), который был в США и который имел очень хороший дом с сараем, хлевом, всё это продавал, чтобы уехать в Парагвай. И тогда отец подумал, что тот – такой обеспеченный человек, привез доллары из США, и едет в незнакомую страну. А он (отец) ведь уже почти все знает, и работал в Кордове и Санта-Фе, и у него есть знакомые в Парагвае. Так он стал продавать все, что имел, сделал документ, и в декабре 1934 года мы отправились. Нас сопровождали на повозке, пока мы не добрались до станции. Так как все знали, что мы едем в Америку, то думали, что у отца есть деньги. Утром мы приехали в Брест, а вечером сели на поезд до Варшавы.

В Варшаве мы пробыли три дня и сели на поезд до Италии. В 12 часов ночи с 1934 на 1935 год мы были на польско-чехословацкой границе. А 1 января 1935 года мы завтракали в Вене, в Австрии. После завтрака мы снова сели в поезд до Триеста (Trieste), Италия. В 12 ночи мы приехали в роскошный отель. Там провели две ночи и 3 января мы сели на корабль, который назывался «Oceania de la Konsulich». Корабль был очень красивый, на нем было больше 1000 пассажиров. Мы прибыли в Буэнос-Айрес 19 января 1935 года. На следующий день нас перевели на корабль, который четыре дня плыл в Парагвай до Асунсьона по реке Парана. На реке Парана де Костадо мы видели крокодилов и других животных. В Асунсьоне мы провели четыре дня, до отправления поезда в Энкарнасьон. Выходили три семьи: одна в Каируэтэ (Caipuete), другая в Кармен де Парана (Carmen de Parana) и одна в Энкарнасьоне. Нас встретили соотечественники. Они везли нас в повозке, запряженной двумя волами. Было темно, повозку трясло из стороны в сторону, дорога была очень разбитая. Мама начала плакать и упрекать: «Куда ты нас привез?» Учитывая сложившиеся обстоятельства, нас приняли очень хорошо. Мы пошли посмотреть, где можно было купить дом. Мама снова начала корить отца, началась ссора. Отец сказал: «В чем проблема? Если люди живут, то проживем и мы». Через два дня отец уехал в Энкарнасьон, чтобы оплатить гарантийный чек и там он нашел дом приблизительно за 1000 аргентинских песо, ровно столько, сколько у нас было. Отец вернулся, и

когда был поезд на Энкарнасьон мы поехали. Там мы и остались. Там мы встретили одного русского. Мы пробыли два дня, и Дмитрий Касенчук (Demetrio Kasenchuk) нас отвез на чакру в наш парагвайский дом (ранчо), и там мы начали учиться новой жизни…

г. Сан-Мартин (провинция Буэнос-Айрес). Запись передана 22 августа 2010 г.

Перевод О. М. Костюшкиной.

№ 17
Пыжик Мария

Я родилась в Парагвае в 1945 г. Мои родители Василь Никитович Пыжик и Ольга Васильевна Микулик (сестра Мигеля Пыжика), оба из Брестской области.

Переехали мы в Аргентину из Парагвая в 1948 г. С самых малых лет послали меня учиться на курсы русского языка. В нашем районе мы занимались по домам, учила нас Анна Жаловага. Когда мне исполнилось двенадцать лет, начала заниматься в клубе В. Белинского. Когда наша учительница Е.М.Спиридонова выехала в СССР, мне поручили заниматься с маленькими детьми курсами русского языка, хотя и сама мало его знала (мне было шестнадцать лет), но всё таки занималась больше двадцати лет. Так был случай, что учила маму, а через пятнадцать лет – ее дочь. Также была спикер на концертах в клубе. Так провела свою молодость в клубе Белинского.

В 1972 г. наградили меня путевкой в СССР. Была я в Ленинграде, Киеве, Гурзуфе, Волгограде и, конечно, в Москве. Так интересно было, потому что везде встречала нас молодежь, даже были в пионерском лагере. Незабываемые впечатления.

Пришлось через тридцать пять лет снова побывать в краях моих родителей. Тоже очень трогательная путевка, потому что посещала родные места своих предков – Брест, Каменец, Верховичи.

г. Сан-Мартин (провинция Буэнос-Айрес). Запись передана 22 августа 2010 г.

№ 18
Рассказ бабушки Текли

Многие национальности заселяют аргентинскую землю. Несколько десяток лет тому, со всех континентов мира, люди ехали в Америку в поисках лучшей жизни, так как на родных землях принужденные были бедствовать. В Аргентине мы найдем людей из европейских стран, с Азии, Дальнего Востока – людей разных рас и верований.

Больше половины столетия и славяне начали присоединяться к этому сборищу народностей. Многие семьи покинули свои любимые места и эмигрировали в Аргентину. Большинство это были крестьяне, многие и неграмотные – единственно к чему были опытны это к земледелию.

Аргентина как раз очень нуждалась такими эмигрантами, чтобы обрабатывать обширные пустовавшие пространства. Славянин, как-то по натуре, любит природу, поет песни о своих родных местах, о засеянных полях, цветущих лугах, любит собирать плоды – привязан к земле. Русский народ, когда обращается к своей родине, к своей земле – ласково называет «Матушка Россия».

Хочется познакомить читателей с маленькой историей, которую я когда-то слышала от бабушки Текли. Вошла бабушка в дом, поздоровалась и стала молча кругом осматривать вроде как бы искала чего-то. Вдруг заговорила: сейчас-то вы живете вот в каких домах, удобства, обстановка, на машинах катаетесь. А сейчас я вам расскажу мою жизнь, когда я приехала сюда в 20-х годах с мужем и шестью детьми сказала бабушка. Помню, сгрузили нас с парохода, несколько таких семейств, как и моя. Оформили некоторые бумаги и в тот же день, собрали всех в большой зал, в котором агент с переводчиком предложили нам ехать в провинцию Мисьонес. Раскрасил нам агент местность, продолжала бабушка – что климат там теплый и земля плодородная и что вообще лучшего места не может быть. Все мы охотно согласились ехать в Мисьонес. Добирались мы туда почти двое суток поездом. Вместо плодородной земли, мы очутились в непроходимых диких кустах, под голым небом, продолжала бабушка Текля.

Была осень или зима – попали как раз на сильные дожди, а у меня грудной ребенок. Тогда то мы всерьез сообразили, сколько сил нам придется приложить, чтобы эта земля дала плоды. Нам предстояло обчистить землю от кустов и деревьев. Смастерили мужчины шалаши, вместились как могли со всем нашим имуществом и … принялись всей семьей корчевать дикий нетронутый человеком лес.

Какие трудности нам пришлось переживать, говорит бабушка с грустью. Не знали языка, дикий лес, насекомые, от которых ходили все испухшие, разные ядовитые гадюки, местные жители, как-то ревниво на нас смотрели – скука по родным местам. Мысль о том, куда мы наши дети привезли? В какую дичь? Что делать? Возвращаться не было смысла, не на что – все израсходовали. Осталось только осваивать новые места. Благодаря нашей молодости, здоровью и что мы не одни, а несколько семей, в таком же положении, стали мы очищать землю Мисьонеса, садить, собирать плоды. Проходили годы, говорит бабушка, но все же мы от своих традиций не отставали. Собирались, чтобы веселиться по-своему, петь любимые песни вспоминать о родных местах. Хотя землю Мисьонеса заселяли новые поколения и понемного сживались с другими национальностями – но свои традиции каждая сохранила. Не верится, говорит бабушка Текля, что ей и многим соотечественникам пришлось приложить столько сил, труда, чтобы сегодня на этих местах находились современные города, наши наследники были образованные люди – профессионалы, мастера, многие занимают важные поста. Может быть, такая история многим не нова, может быть,

таких или похожих историй очень много. Наша цель, дорогие читатели, писать про наших славян, про всех тех, которые вложили свой вклад в развитие Аргентины, знаем, что их очень много, так пожалуйста пишите в редакцию. О событиях о подвигах, если кто совершил. Будем печатать, чтобы молодежь наша знала о своих предках, пионерах на аргентинской земле. Или о теперешних, уже второе-третье поколение, которые вместе со всем аргентинским народом трудится и не забывает традиций своих дедов. Наша молодежь должна сохранить память о всех тех которые заслужили свое место в истории Аргентины и не должны войти в забвение. Пишите друзья о важных событиях, подвигах наших братьев!»

А. М. Кулачок. Буэнос-Айрес. Март 1987 г.

Родной голос. 02. 04. 1987.

№ 19
Мария Лусюк де Белякович

Она родилась на Волыни, Украина, 6 октября 1914 г. Приехала в Аргентину с мамой и семью братьями. Переезд совершался на корабле «Krakos». Они пересекли Польшу с польским паспортом. Отец семейства выехал раньше и обосновался в Замамбайе.

Они сошли на берег в Буэнос-Айресе.

Их встретил Антон Белякович, который доставил семью в Замамбайю, где впоследствии они и остались жить.

В то время Мария была миловидной 16-летней девушкой, обладательницей прекраснейших голубых глаз, и, кроме того, имела сильный характер, была активной и решительной.

Она умела делать все, но лучше всего у нее получалось готовить, особенно сладости и кондитерские изделия.

Мисьонес очень отличался от Украины, где жили ее предки. Девушка с изумлением смотрела на все новое, что ей предлагала природа, на огромные деревья и обилие ручейков, которые протекали повсюду. Новая местность ее впечатлила, но не испугала.

В 1930 г. Мария вышла замуж за Алехандро Беляковича. Они заключили брак в полиции г. Обера, так как тогда ЗАГСов еще не существовало. Полицейский участок располагался в месте, где находится Ла Сексиональ Примера; тогда это была скромная деревянная постройка.

Со своим мужем она переехала жить в Колонию Гуарани. В браке у них родились четверо детей: Росалия, Наполеон, Елена и Хосе. Они занимались торговлей – у них был деревенский магазин – и перевозками. А еще они занимались кузнечным делом, садили огород и разводили скот для домашних нужд. Они всегда работали очень дружно, и так как муж Марии часто был в разъездах, ей пришлось быть за мать и за отца для своих четверых детей. Она очень старалась дать им образование и приучить к

труду. Она научила их украинскому языку, своими рассказами она познакомила детей с культурой Украины и Белоруссии.

У них сложился очень своеобразный диалект, который привлекал внимание и служил для общения внутри семьи.

Транспортные перевозки позволили сеньору Алехандро проехать по тем немногим проезжим дорогам, которые проходили по этой территории. Он часто ездил в Посадос, отвозя продукты с фермы, чтобы обменять их на товары.

Первый автомобиль, который смогла позволить себе семья, был Rugby, впоследствии замененный на Форд 4.

Они построили себе деревянный дом, им помогал их деверь Парадуха, который был плотником.

Из Украины мать привезла классические личные вещи, которые привозили эмигранты: перину, подушки из гусиного пера, одежду и посуду в типичных сундуках. До сих пор в неприкосновенности хранятся некоторые вещи Марии – льняная блузка и фартук – которые надела правнучка Марии на праздник эмигрантов в 2000 г.[75]

В семье почитали Деву Марию, и это была та религия, которую они исповедовали на Украине.

Когда мать Марии уезжала из своей деревни в Америку, соседка подарила ей и ее восьмерым детям образ богоматери-заступницы, чтобы он помогал и оберегал семью. Эта икона до сих пор хранится в семье.

В 1936 г. Мария и Алехандро осуществили свою мечту: построили дом из комфортных и красивых материалов. Там прошли наши самые счастливые дни. Дом сохранился со всеми удобствами, сохранились также и сараи, техника и инструменты.

Мария и ее муж заставили детей учиться, трое из них посвятили себя преподаванию

Мария умерла в г. Обера в возрасте 79 лет.

Crónicas de Vida. Mujeres Inmigrantes de Oberá y Colonias. Posadas, 2007. S. 258-260.

Перевод О. М. Костюшкиной.

---

[75] Праздник Имигранта в Обера проводится ежегодно в сентябре месяце.